

Литературная газета

Суббота, 26 декабря 1936 г.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 72 (635)

Всесоюзное совещание жен командного и начальствующего состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии

Заключительное слово народного комиссара обороны маршала Советского Союза тов. К. Е. ВОРОШИЛОВА

Товарищи, ваше совещание окончено. Что можно сказать в заключение. Можно сказать лишь одно — совещание жен командного и начальствующего состава нашей Рабоче-Крестьянской Красной армии было плодотворно: было, я бы сказал, умным и замечательным.

Оно было таким, каким не может быть совещание женщин нашей страны, женщины, которые представляют огромную армию жен — полноту наших славных командиров и начальников.

Но, как бы ни было замечательно это в нашей стране, в том числе и наше хорошее совещание, оно не может вселить в нас чувство успокоенности, а тем более зазнайства. Вы, товарищи, сделали уже много, но вам предстоит еще громадная работа. Нужно еще энергичнее повести дело среди жен, матерей и сестер командного и начальствующего состава, чтобы вовлечь еще больше платки наших женщин в общественную жизнь, приобщить их к творческой, созидательной работе.

Наше совещание было бы не полезным, оно не дало бы того, что обязательно, если бы мы хоть на миг вообразили, что нами уже сделано все, или почти все. Это было бы хвастовством и зазнайством, а вы, товарищи, знаете, что это не в духе большевика. Товарищ Сталин является самым непримиримым врагом хвастовства и зазнайства.

Вы ведете большую работу. Она большая именно потому, что вовлечены уже тысячи и тысячи женщин в нужное, большое общественно-полезное дело. Я не говорю о тех женщинах, которые выступили здесь и в военной форме и без формы, женщинах, из которых одни являются командирами, другие — служащими наравне с мужчинами в РККА. Эти замечательные женщины, наряду со своей специальной служебной обязанностью, несут еще и дополнительную, добровольную общественную нагрузку. Я говорю о женщинах, которые иной раз без всяких причин не повышались до сознания необходимости активно, по-настоящему включиться в строительство социализма, стать в ряды наших общественниц, активисток. Я говорю о них, которых обязательно нужно всех сделать активными строительницами нашей социалистической родины.

Разъехавшись отсюда, я убежден, вы увидите, утратите вашу энергию, проявите еще больше инициативы, сделаете все от вас зависящее, чтобы в ваших частях, гарнизонах, где вы работаете, где живете, независимо от того — в какой географической точке Советского Союза они расположены, не было бы ни одной женщины, которая не работала бы вместе с вами, не училась бы сама, не учила других, которая не становилась бы активным строителем нашей жизни.

Ваша оборонная работа, товарищи, дорога и мы ее высоко ценим потому, что вы обогащаете жизнь, деятельность, напряженную работу ваших мужей, отцов и братьев.

Чем больше и лучше вы будете заниматься общественной и непосредственно оборонной работой, тем легче будет нашим командирам и начальникам делать свое непосредственное дело — повышать боевую подготовку Красной армии, тем легче будет им готовиться к тому, чтобы в

нужную минуту выйти против врага во всеоружии, выставить против него могучую силу не только физически и технически хорошо сколоченную, но также и духовно по-сталински подготовленную.

Будем же, товарищи, и впредь, как до сих пор, упорно работать, утрем, утрем нашу энергию, устатерим инициативу. Закладим себя еще крепче на преодоление всех и всяческих трудностей. Добьемся полного вовлечения всех жен командного и начальствующего состава в общественно-политическую жизнь и творческую работу. Пусть наша славная родина еще больше поучает от своих сыновей и дочерей, от вас — наших славных полнокровных. Пусть Сталинская Конституция подтверждает еще большими делами, делами хорошими, культурными, всесторонними, делами советской женщины.

Я считаю, товарищи, ваше совещание замечательным еще и потому, что оно, являясь вторым после совещания жен хозяйственников и инженерно-технических работников тяжелой промышленности, будет толчком, будет служить образцом того, как нужно организовываться женщинам, которая прямо не занята на производстве.

В нашей стране нет и не может быть такого положения, когда бы человек — будь то мужчина или женщина — не нашел применения своим способностям, своей энергии, своим талантам. Поэтому, работая в гарнизонах, нужно помнить не только женщинам — боевым полнотам командного и начальствующего состава, но и женщинам промышленности, транспорта, женщинам, работающим на культурном и иных прочих фронтах.

Поздравляю вас с успешным завершением вашего замечательного совещания. Желаю успеха в вашей работе и выражаю полную уверенность, что вы еще больше будете работать над тем, чтобы наше славное, прекрасное движение шло вперед и углублялось.

Под руководством нашей чудесной, всеобъемлющей коммунистической партии, под руководством нашего мудрого, великого Сталина будем вместе, ноги в ногу, мужчины и женщины, все трудящиеся нашей славной, великой родины шагать вперед по пути к коммунизму.

Да здравствует наша великая коммунистическая партия!

Да здравствует наша славная родина!

Да здравствует наш друг, учитель и вождь, великий Сталин!

(Продолжительная бурная овация, приветственные возгласы в честь товарища Сталина, крики «ура!»)

Присутствующим на вашем совещании члены ЦК партии и Правительства решили возбудить ходатайство перед Правительством о награждении наиболее заслуженных активисток — жен командного и начальствующего состава орденами СССР. (Взрыв аплодисментов.)

Разрешите Всесоюзное совещание жен командиров и начальствующего состава Рабоче-Крестьянской Красной армии объявить закрытым. (Все делегаты совещания поют «Интернационал». Под сводами зала раздаются звуки пролетарского гимна. Делегаты совещания приветствуют руководителей партии и правительства, машут цветами и пестрыми ленточками.)

Ромэн Роллан

НАРОДАМ ВСЕГО МИРА

На помощь Испании!

Крик ужаса стоит над дымящимися развалинами Мадрида. Гордый город этот, некогда царствовавший над половиной старого и нового мира, некогда свершавший современную эволюцию цивилизации, теперь в ярости и в огне. Он отдался на растерзание африканским маврам и испанскому легиону, чьи мятежные вожди еще осмеливаются заявлять, что они защищают дело той Испании, которую они опустошили, и той цивилизации, которую они топчут.

Тысячи женщин и детей убиты, ранены, захвачены в плен. Целится в самые населенные кварталы. Не шадят и госпитали. Вельможные дворцы пылают. Сегодня горит дворец герцога Альба. Завтра — Паладо. Созданные веками произведения искусства рвутся под бомбами. Вместе со своим народом умирает Веласкес, и час агонии герцогского города, этот час Муссолини и Гитлер наврели для призраков Франко африканского, который уничтожил Мадрид оружием, полученным им от итальянского и германского фашизма! Уста за устами. Франко платит им тем, что отдал им богатства и стратегические пункты Испании. Безумцы не видят, что придет день, когда горы, который они опатили своей преступной торг, падет на головы их же собственных народов, и что варварство, орудующее ими о цепи, обратится в пылком и оском на их же города.

После Мадрида и Барселоны (Барселону зря тоже будут бомбардировать) настали кварталы Рамла, Берлина, Лондона, Парижа. Великие наши Европы, великие матери цивилизации, словно волчицы, пожират самую благородную среди них, австрия же они злыбнут друг друга. Горе временам предкам, временам наступающим, временам уже наступившим! Человечество! Человечество! Зову тебя! Зову вас, люди Европы и Америки, на помощь Испании! На помощь нам! На помощь нам самим! Не дайте погибнуть этим женщинам, детям, этим мирным согражданам! Если вы будете молчать, завтра ваши дети, ваши жены, вы, вы сами, все что делает жизнь прекрасной и священной, погибнет в свою очередь. Если вы не воспринимаете бомбардировки госпиталей и музеев, населенных кварталов, школ, детских домов, если вы, народы мира, не постигнете такой же участи. Кто сможет остановить пожар, если вы с самого же начала не заглушите его? Если мир пройдет через это? Скорей! Скорей! Позвоните же! Говорите, кричите и действуйте. Пусть, вопреки всем расовым, партийным, религиозным различиям, единый порыв объединит все народы и бросит их на помощь жертвам! В самом неотвратимом моменте должно укрепиться братство всех страдающих.

20.XI. 1936 г.

Бешеные псы фашизма

Советские писатели о фашистских пиратах

Нет предела нашему возмущению! В нейтральных водах Средиземного моря, на одном из оживленнейших морских путей, фашистские пираты подожгли и потопили мирный торговый пароход.

Вырады человечества — фашистские варвары попррают все международные законы, все права миролюбивой общины народов.

Корабль, потопленный современными каннибалами, — советский теплоход. Он носил имя славного земляка комсомола. Он был построен в городе Ленин, руками ленинградских рабочих.

Нет предела нашему гневу!

На корме теплохода развевался красный флаг Советского Союза — великой социалистической страны, могущественного ордена мира.

Этот флаг привел в бешенство проклятых полжигателей войны.

Бешеных псов уничтожают!

Наше правительство, выполняя волю народа, терпеливо проводит политику мира. Но пусть фашистские провокаторы, их покровители и прислужники не забывают, что советский народ — это 170 миллионов сынов и дочерей социалистической родины, как никогда сплоченных великой

сталинской Конституцией, горячей любовью к своей великой отчизне, к ее вождям, любовью к гениальному Сталину.

170-миллионный советский народ, как один человек, поднимется на защиту чести и достоинства своей родины. И мы, советские писатели, по первому зову партии и правительства станем в ряды всеокружающей армии, которая развеет в прах обновленные фашистские банды.

Писатели Ленинграда просят правительство принять решительные меры, чтобы обеспечить спокойное плавание советских судов на мировых морских путях.

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ, А. ГОРЕЛОВ, В. БЕСПЛАМЯТНОВ, СЕРГЕЙ СЕМЕНОВ, МИХ. СЛОНИМСКИЙ, МИХ. КОЗАНОВ, КОНСТ. ФЕДИН, АЛЕНСКИЙ ТОЛСТОЙ, С. МАРШАК, Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ, Н. СВЕРИН, ЛЕОНИД СОБОЛЕВ, БОРИС ЛАВРЕНЕВ, ЕФ. ДОБИН, АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ, АЛЕКСЕЙ ЧАПЫГИН, ЮРИЙ ТЫНЯНОВ, МИХАИЛ ЗОЩЕНКО, В. САЙНОВ, ВЯЧ. ШИШКОВ, НИК. ЧУКОВСКИЙ, Г. МИРОШНИЧЕНКО.

Эскадру — к берегам Испании

С чувством величайшего негодования узнаем мы, что фашистские банды потопили наш советский теплоход. Постигне нет средств, которыми не пользовались бы они, провоцируя нас на войну. Они хотят сделать невозможными плавание наших кораблей по Средиземному морю и проход через Гибралтар.

Мы бдительны и дисциплинированы. Мы наготове. наших моряков че-

искушает. Мы скоро будем иметь большой линейный флот. Мы сейчас же должны послать к берегам Испании сильную эскадру для охраны наших судов от разбойничьих нападений.

Не может быть терпимо положение, когда пираты могут топить в открытом море советские корабли, убивать безнаказанно советских граждан.

Н. ТИХОНОВ.

Близок час расплаты!

И. Сельвинский

Мы давно знали, что фашизм — «молодец среди овец». Весь мир является свидетелем систематических нападений из-за угла «высокой расы» на мирное население до Африки, до Европы. Но страна социализма — на африканской провинции. Народы Советского Союза сумеют научить фашистов элементарным правилам вежливости.

Как поэт, я бы вынул целое небо самолетов, чтобы ни гроза, ни шквал от фашистских крейсеров! Но как гражданин страны, я не разделяю максимализма жестких товарищей, требующих от правительства немедленного открытия карательных действий. Мы достаточно сильны, чтобы говорить спокойно. Наши вожди выразят возмущение страны тем языком, который они признают наиболее взаимительным. Мы же со своей стороны заверим т. Сталина, что по первому же зову Кремля вооружимся с его корнями, ветками и всем омерзительным благоуханием.

Перец Маркиш

Наше возмущение по поводу затопления советского теплохода озерными разбойниками — немцами фашизма — не в состоянии больше ограничиваться письменными протестами. Наши вожди обращены на Средиземное море, ставшее местом жестокых нападений, убийств и преследований расовых фашистов, действующих кровавыми руками пролающих бандитов и пиратов. Пролетарият кровью советских труженников-моряков у берегов Алжира переполняет наши сердца настойчивым требованием сокрушить и стереть с лица земли вожделенных полжигателей войны.

Вл. Лидин

На неслыханный акт потопления фашистским крейсером нашего торгового судна отвечает возмущением вся наша страна. Самоотверженность и преданность советских народов обеспечивают полную и безоговорочную поддержку любому мероприятию, которое наше правительство считает необходимым осуществить.

К. А. Тренев

За пиратами, потопившими наш теплоход «Комсомол», стоят крупнейшие мировые разбойники, использующие фашистских мятежников для своих провокаций. Цели этих бандитов ясны: поджигая наш теплоход, они пытаются раздуть пламя мировой войны. Вопрос ставится так: с одной стороны — разрушить культуру, мировые человекоубийцы, с другой — на страже мировой культуры, цивилизации, гуманности и всех завоеваний человеческого разума наш Советский Союз, неизменно олот мир, верный, надежный страж строительства всего лучшего, что есть в человечестве.

Мы знаем свою силу и верим, что величайшим завоеванием культуры мирового разбойникам стереть не удастся. Мы глубоко убеждены также, что наилучшим для человечества фашистским действием в плане наступит скорое окончание. Порукой этому наша мощь, наша сила, вера в правоту нашего дела и поддержка его лучшими умами человечества.

М. Булгаков

Я был поражен известием о потоплении советского торгового парохода «Комсомол». Но, по моему убеждению, слова возмущения здесь ничего не помогут. И я присоединяю свой голос к тем, которые находят, что необходимо направить в испанские воды эскадру.

Советские военные корабли сумеют и отослать торговые суда и уничтожить варжигателей и флагу фашизма, в случае крайности — напоминая, насколько глубоко и опасна вода, в которых плавают поджигатели войны.

Б. Ромашов

Находящийся в тисках экономического кризиса, задыхающийся от безработицы миллионы рабочих, фашисты бросаются на любую авантюру, лишь бы разрезать угрозу мировой войны.

Л. Славин

В своей безумной слепоте фашисты пытаются не видеть того народного возмущения, которое вызывают их наглые провокационные действия в нашей великой стране. Но с неясным народным инстинктом. Уверен, что наше правительство найдет достойный ответ фашистским бандитам, опираясь на беспримерную любовь к своей родине всех трудящихся Советского Союза, устремивших к бою всю готовность, их плев и возмущение.

А. Караваев

Не для того мы строим наш торговый флот, чтобы фашистские корабли испугали его дух. Но военный и воздушный флот мы строим для того, чтобы раз навсегда отбить у фашистских налетчиков вкус к столкновениям с могучей родиной социализма.

Гордость гражданина СССР страдает от сознания того, что варварское попрание наших прав международными бандитами может остаться безнаказанным. Но этого не будет. Правительство нашей великой страны временно даст по рукам фашистским злодеям.

Фридрих Вольф

С величайшим возмущением услышал я о преступном пиратском налете испанских фашистов на советский теплоход «Комсомол». Гитлеровский фашизм я в близком прошлом видел вытесняющей и я должен сказать: выпад фашистов меня не удивляет. Товарищ Димитров сказал однажды после лейпцигского процесса: самая неправильная тактика в отношении фашистской провокации — это тактика, признающая ее правноту. Товарищи Димитров поставил, как нужно это фашистскому бестии обуздать. Тактика мировых демократических государств — Франция, Великобритания, Италия, не признавая бестии, злокозненности Гитлера и Муссолини на помы захватить и интернировать.

Могущественный Советский Союз не будет терпеть дальнейшей провокации фашистской бестии. Гитлеровская вся страна говорит фашистским провокаторам: «Довольно! Мера полная». И когда стальной кулак Советского Союза обрушится на этих преступников против человеческого языка и мира народов, то он найдет воодушевляющую поддержку и всемирное демократическое и передовых людей Запады.

П. Антокольский

Фашисты плохо знают историю. В любом учебнике они могли бы прочесть, что на протяжении интереснейшей истории Навотрона как раз в Испании и в России. Но если им далеко ходить до внешних целей, можно напомнить 1915 и 1920 годы нашего века в нашей стране.

С каждым днем провокации этой грязной разбойничьей банды делаются открывающей и наглее. Неделю назад, когда они оказались тисне воды, ниже трави, более мучки. «Мудры долны фашизма» разоблачена о несомнительном олот мира, труда и свободы, о стальной броню нашей родины.

ЦК ВКП(б) с глубоким прискорбием извещает о смерти члена ВКП(б), талантливого писателя-орденоносца **Николая Алексеевича ОСТРОВСКОГО** ЦК ВКП(б)

Центральный комитет Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи с глубокой скорбью извещает всех членов комсомола и советскую молодежь о безвременной кончине пламенного большевика, горячо любимого талантливого писателя-орденоносца, члена ВЛКСМ с 1919 года. **НИКОЛАЯ ОСТРОВСКОГО** ЦК ВЛКСМ.

Автобиография Н. А. Островского
Родился в 1904 году, в рабочей семье. По найму работал стал с двенадцати лет. Образование низшее. По профессии — помощник электромонтера. В комсомол вступил в 1919 году, в партию — в 1924 году. Участвовал в гражданской войне. С 1915 по 1919 год работал по найму: кубовальником, рабочим материальных складов, подручным конюшаром на электростанции и т. д. В 1921 году работал в Киевских главных мастерских. В 1922 году участвовал в ударном строительстве по постройке железнодорожной ветки для перевозки дров, где тяжело заболел, протрудившись и получив тиф. По выздоровлении с начала 1923 года был снят с производства по состоянию здоровья и послан на другую работу в пограничные. В 1923 году был военным комиссаром батальона ВВФ «Берег». Последующие годы вел руководящую комсомольскую работу в районном и окружном масштабе. В 1927 году с совершенно разрушенным здоровьем, исключающий тяжелыми годами борьбы, был отозван в распоряжение ЦК Украины. Было сделано все в том, чтобы вылечить меня и возвратиться к работе, но это до сих пор не удалось. Будучи вторым от организации работы, стал антипротестником: вел марксистские кружки, обучал молодых членов партии. Будучи прикомандированным к комсомольскому отделу в постели, выдержал еще один удар — ослеп. Оставил кружки. Последней год посвятил работе над книгой. Физически потерял почти все, остался только непоколебимая уверенность в правоте и страстное желание быть чем-нибудь полезным своей партии, своему классу. Работа над книгой — попытка передать бывшее литературным языком. Никогда раньше не писал.
Член ВКП(б), партизанта
№ 0285973
Николай Алексеевич ОСТРОВСКИЙ
1932 г.

Всем женам, матерям, сестрам командного и начальствующего состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии, всем женщинам Советского Союза

(Из обращения, принятого единогласно Всесоюзным совещанием жен командного и начальствующего состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии на заключительном заседании 23 декабря 1936 года)

Помните, товарищи, о растущей военной опасности, об угрозе нападения империалистов на нашу Родину. Крепите оборону нашей великой страны!

Мы знаем силу и крепость нашей Красной Армии — величайшего ошета мирного труда социалистического государства рабочих и крестьян. Мы знаем, что Красная Армия, возглавляемая Лениным и Сталиным, руководимая железным наркомом товарищем Ворошиловым, готова в любой момент бить врага на его собственной территории, если он осмелится напасть на нашу Родину.

Жена командира и политработника Красной Армии не уронит ни одной слезинки, провожая мужа в бой за Родину, за ее величие, честь и славу. Советская мать с гордостью пошлет любимого сына на зашипу Советской земли.

Мы обращаемся ко всем работницам и колхозницам, женщинам — служащим и учащимся, землемышам науки и искусства: крепите кажлая на своем участке оборону нашей великой Родины, умножайте ее мощь и богатства, участвуйте в оборонной работе — будьте передовиками спорта и физкультуры, учитесь стрелять, учиться вести санитарную службу в бою, участвуйте в общественной работе — будьте в лопотаволюбивой и противохимической обороне — будьте вместе с мужьями и братьями победоносно

занимать нашу родную землю, защищать до последней капли крови наши права и завоевания, записанные в Сталинской Конституции.

Мы обращаемся к работницам и женам хозяйственников и инженерно-технических работников тяжелой промышленности и оборонной промышленности: от вашей работы, ловкости товарищи, зависит дело укрепления обороноспособности страны.

Шагайте в первых рядах славного сталковского движения, покажите пример выской производительности труда, борьбы за выходы высшего качества продукции. Помогите сделать нашу славную армию первоклассной боевой техникой для уничтожающего разгрома всех, кто осмелится посягнуть на священные и непрокосовенные рубежи Советской земли.

Мы обращаемся к работницам и женам работников нашей великой железнодорожной армии: мы с огромной радостью и повышенным вниманием следим, как доблестно шагает вперед социалистический транспорт — родной брат Красной Армии. Блестящие победы железнодорожного транспорта повышают и укрепляют оборонную мощь и обороноспособность нашей беззаветно любимой Родины. Мы призываем наших родных полнокровных железнодорожников, с еще большим упорством и большевистской настойчиво

стью бороться за нашу светлую, счастливую и культурную жизнь, за великое дело обороны социалистического государства рабочих и крестьян.

Мы обращаемся ко всем женщинам Советского Союза, гражданкам первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян, патриоткам советского отечества: помните, что мы являемся матерями — воспитательницами нашей молодежи — будущими патриотами нашей страны, воспитывайте в детях дух советского патриотизма, учите их любить нашу чудесную страну, наш великий народ.

Воспитывайте достойных сыновей и дочерей советского народа, умеющих своим паролем, на радость трудящихся бороться за честь, величие и славу нашей Родины.

Да здравствует наша доблестная, наша родная Красная Армия!

Да здравствует вождь Красной Армии — наш дорогой Климент Ефремович Ворошилов!

Пусть погучет и свободная Родина! Да здравствует наша славная, героическая партия Ленина — Сталина! Пусть живет и здравствует долгие и долгие годы — на радость советским паролем, на радость трудящимся всего мира — наш родной, любимый отец, друг и учитель — наш Сталин!

Сила и мужество большевика

Мне очень больно подумать, что в последние бои с фашистами я не смог занять своего места в бою...

Мне очень больно подумать, что в последние бои с фашистами я не смог занять своего места в бою...

В этих словах из письма Николая Островского товарищу Сталину — весь Островский, писатель-большевик...

Островский был любимым писателем советской молодежи. Множество писем получал он от своих молодых читателей...

Литераторы часто говорят и много спорят о типе советского писателя, писателя-большевика...

Постоянные героини пути Николая Островского, в 15 лет связавшего себя революционной борьбой...

Он неустойчиво работал над собой, над своим культурным и политическим ростом, стремился непрестанно повышать уровень своей писательской культуры...

Мужество рождается в борьбе. Мужество воспитывается изо дня в день в упорном сопротивлении трудностям...

ГЛУБОКАЯ СКОРЬБЬ

С великой скорбью преклоняю голову перед гробом орденосца писателя-большевика Николая Островского.

НАИРИ ЗАРЬЯН.

Комсомольская организация, все молодежь Северо-Осетинского АССР вместе со всем комсомолом и молодежью Советского Союза...

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ОБНОМ ВЛКСМ.

Советские писатели Грузии выражают глубокую скорбь по поводу смерти писателя-орденосца Николая Островского.

Писатели Дальнего Востока скорбит об утрате любимого талантливого писателя-орденосца Николая Алексеевича Островского.

ПРАВИТЕЛЬСТВО СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

Народный писатель

Прощаясь с ним пришли люди различных профессий и возрастов. Женщины поднимали своих детей, школьники, зажав дышанье, всматривались в его лицо.

О. Войтинская
го реализма М. Горький неустойчиво твердил о нехватке в человеческом страданиях, о необходимости борьбы с условиями, порождающими эти страдания.

Н. А. Островский в труду

Николай Островский

Е. Усиевич

Умер Николай Островский. Тысячи, сотни тысяч людей с горечью повторяют сейчас про себя: какое сердце билось перестало...

Умер молодой писатель, а сотни тысяч людей чувствуют себя опустошенными и невозможным переопределить значение его работы для дела коммунистического воспитания нашей молодежи.

Умер автор единственной впечатанной книги, а пошла одна из самых светлых надежд советской литературы.

Особое, совсем особое место занимала в ней Николай Островский. Мало охватывая, что его книги, подтвержденные несомненным мужеством жизни, были героизмом и самоотверженностью, преданности народу и революции до последнего вздоха...

И потому оптимизм героя книги «Как закалялась сталь» — Павел Корчагин так убедителен, так благороден, это не оптимизм человека, которому жаннеральность ничего не стоит...

Оптимизм Павла Корчагина основан на отсутствии эгоизма, на отсутствии агрессивного отношения к жизни: «Мне подавай!» И на протяжении всей книги мы видим, как то и дело отказывается этот человек от личного счастья в пользу того, что бы более полно развивать свои способности...

И потому оптимизм героя книги «Как закалялась сталь» — Павел Корчагин так убедителен, так благороден, это не оптимизм человека, которому жаннеральность ничего не стоит...

Огромный талант Н. Островского сказывается в том, что он сумел дать этот образ в становлении. Он сумел показать, как в описанном пламени революции ослепает и трудеющего человечества шлоха буржуазной грубости, черствости, эгоизма, как растут и расширяют заложены в нем семена выносливости, смелости, человеческого солидарности, таланта и ума...

Огромный талант Н. Островского сказывается в том, что он сумел дать этот образ в становлении. Он сумел показать, как в описанном пламени революции ослепает и трудеющего человечества шлоха буржуазной грубости, черствости, эгоизма, как растут и расширяют заложены в нем семена выносливости, смелости, человеческого солидарности, таланта и ума...

И потому оптимизм героя книги «Как закалялась сталь» — Павел Корчагин так убедителен, так благороден, это не оптимизм человека, которому жаннеральность ничего не стоит...

И потому оптимизм героя книги «Как закалялась сталь» — Павел Корчагин так убедителен, так благороден, это не оптимизм человека, которому жаннеральность ничего не стоит...

И потому оптимизм героя книги «Как закалялась сталь» — Павел Корчагин так убедителен, так благороден, это не оптимизм человека, которому жаннеральность ничего не стоит...

ТРАУРНЫЕ МИТИНГИ

Наша коргоспелентны сообщают о многочисленных траурных митингах памяти Николая Островского — в Ленинграде, в Минске, в Киеве, в Баку и других городах СССР.

Наша коргоспелентны сообщают о многочисленных траурных митингах памяти Николая Островского — в Ленинграде, в Минске, в Киеве, в Баку и других городах СССР.

Наша коргоспелентны сообщают о многочисленных траурных митингах памяти Николая Островского — в Ленинграде, в Минске, в Киеве, в Баку и других городах СССР.

Рожденные бурей

Н. Накоряков

Умер Н. А. Островский — писатель, рожденный бурей, — писатель-коммунист, воплощенный всей своей жизнью и художественными образами своих произведений бурю пролетарской революции.

Умер в гущу творческого порыва, как писатель-борец, только что закончив работу над первой частью романа «Рожденные бурей» и мечта о продолжении этого замечательного произведения.

Еще 15 декабря в телефонном разговоре со строгой радостью человека, любящего свой труд, он сообщил об окончании этой работы: он смеясь гордился ею, он гордился встречей с читателем, как коммунист-творец-мастер, жаждал этой встречи зветных замислов-образов, пламенных мыслей писателя с другом-читателем, для которого он работал в условиях тяжелой борьбы.

Еще 15 декабря в телефонном разговоре со строгой радостью человека, любящего свой труд, он сообщил об окончании этой работы: он смеясь гордился ею, он гордился встречей с читателем, как коммунист-творец-мастер, жаждал этой встречи зветных замислов-образов, пламенных мыслей писателя с другом-читателем, для которого он работал в условиях тяжелой борьбы.

Наш Коля, как знали его в близкой ему молодой писательской среде, никогда не был поборником позитивности, жертвенности. Уверенный в правоте дела коммунизма, за которое он боролся, и как боец Красной армии и как писатель, он всегда, всю жизнь полон был радостью счастья борьбы, полон ощущением счастья уверенной победы, счастья светлой, радостной жизни трудящихся масс своей прекрасной родины, хотя сам он в последние годы был совершенно слепым, парализованным человеком, прикованным к кровати. В этом иномощном теле преградил, булганил, живым клямом била лишь коммунистическая мысль, которая, отражаясь в слепом, зенящем, незабываемом зорком...

Наш Коля, как знали его в близкой ему молодой писательской среде, никогда не был поборником позитивности, жертвенности. Уверенный в правоте дела коммунизма, за которое он боролся, и как боец Красной армии и как писатель, он всегда, всю жизнь полон был радостью счастья борьбы, полон ощущением счастья уверенной победы, счастья светлой, радостной жизни трудящихся масс своей прекрасной родины, хотя сам он в последние годы был совершенно слепым, парализованным человеком, прикованным к кровати. В этом иномощном теле преградил, булганил, живым клямом била лишь коммунистическая мысль, которая, отражаясь в слепом, зенящем, незабываемом зорком...

Поэтому последний роман Николая Островского «Рожденные бурей» является самым оптимистическим произведением в нашей современной художественной литературе. Тема, содержание романа полны трагических столкновений взрослого украинского трудового народа с его классовыми врагами, польскими панями, немецкими оккупантами в период 1919—1920 гг. Графы Могильницкие, Потюхины вступают с лакеями империалистической польской буржуазии — пилсудчиками, при содействии уже потрапанных революцией немецких оккупантов пытаются на территории Правобережной Украины «огнем и железом» заложить «новые основы» фаншима.

Поэтому последний роман Николая Островского «Рожденные бурей» является самым оптимистическим произведением в нашей современной художественной литературе. Тема, содержание романа полны трагических столкновений взрослого украинского трудового народа с его классовыми врагами, польскими панями, немецкими оккупантами в период 1919—1920 гг. Графы Могильницкие, Потюхины вступают с лакеями империалистической польской буржуазии — пилсудчиками, при содействии уже потрапанных революцией немецких оккупантов пытаются на территории Правобережной Украины «огнем и железом» заложить «новые основы» фаншима.

Трудовые массы — рабочие, земледельцы Украины, беднота местечка и польских гауфундий — начинают героическую борьбу с помещиками, капиталистами, разбегнутойся в атмосфере зловещего национального угнетения доносными панами украинскими ахавонами.

Трудовые массы — рабочие, земледельцы Украины, беднота местечка и польских гауфундий — начинают героическую борьбу с помещиками, капиталистами, разбегнутойся в атмосфере зловещего национального угнетения доносными панами украинскими ахавонами.

Ощущение уверенности в победе революционных масс дано в разнообразных образах, это сила таланта коллектива, сила горячих сердец, единения единством воли и сознания своих классовых задач, — единством партийного, коммунистического руководства.

Ощущение уверенности в победе революционных масс дано в разнообразных образах, это сила таланта коллектива, сила горячих сердец, единения единством воли и сознания своих классовых задач, — единством партийного, коммунистического руководства.

Два письма Николая Островского

Дорогой товарищ Накоряков!

Я давно получил ваше хорошее, дружеское письмо. Я отложил свой ответ до того часа, когда будет написана последняя страница первого тома «Рожденные бурей». Все эти месяцы в Сочи я работал с большим наслаждением всех своих духовных и физических сил. Здоровье мое разрушается с необычайной быстротой, и работать становится все труднее. И все же первый том написан. Хорошо ли, плохо ли — судите сами. Будьте свободны и беспристрастны. Судите без скинки на объективные причины и прочее...

Я давно получил ваше хорошее, дружеское письмо. Я отложил свой ответ до того часа, когда будет написана последняя страница первого тома «Рожденные бурей». Все эти месяцы в Сочи я работал с большим наслаждением всех своих духовных и физических сил. Здоровье мое разрушается с необычайной быстротой, и работать становится все труднее. И все же первый том написан. Хорошо ли, плохо ли — судите сами. Будьте свободны и беспристрастны. Судите без скинки на объективные причины и прочее...

Прочтите сами, выкроите время. Это мой просба.

Прочтите сами, выкроите время. Это мой просба.

Если отзывы будут положительными, тогда будем печатать. Если же нужны будут переиздания, то немедленно займусь этим после отъезда, в который мне приказано идти.

Если отзывы будут положительными, тогда будем печатать. Если же нужны будут переиздания, то немедленно займусь этим после отъезда, в который мне приказано идти.

Я прошу вас свое мнение написать мне сейчас же по прочтении книги. Очень рад, что вы подтвердили мой свежесоставленный план «КЗС». Я очень рад. На-днях и пришлю вам отредактированный печатный текст «КЗС», по которому можно будет просмотреть ваш набор.

Я прошу вас свое мнение написать мне сейчас же по прочтении книги. Очень рад, что вы подтвердили мой свежесоставленный план «КЗС». Я очень рад. На-днях и пришлю вам отредактированный печатный текст «КЗС», по которому можно будет просмотреть ваш набор.

В конце октября думаю вернуться в Москву.

В конце октября думаю вернуться в Москву.

Я сообщу вам все замечания, которые будут сделаны руковождимыми товарищами по рукописи «Рожденные бурей», тогда можно будет сделать вывод, достоя ли первый том печатать.

Я сообщу вам все замечания, которые будут сделаны руковождимыми товарищами по рукописи «Рожденные бурей», тогда можно будет сделать вывод, достоя ли первый том печатать.

Крепко жму вашу руку. Жду вашей оценки. С коммунистическим приветом

Крепко жму вашу руку. Жду вашей оценки. С коммунистическим приветом

Н. ОСТРОВСКИЙ, Сочин, ул. Островского, 17 августа 1936 г.

Дорогой товарищ Накоряков! Ваше письмо и копию отзыва Виктора Кина получил. 22 октября я думаю выехать в Москву, чтобы ускорить окончательно * «Как закалялась сталь».

Дорогой товарищ Накоряков! Ваше письмо и копию отзыва Виктора Кина получил. 22 октября я думаю выехать в Москву, чтобы ускорить окончательно * «Как закалялась сталь».

НЕ СТАЛО НИКОЛАЯ ОСТРОВСКОГО

Не стало Николая Островского... Прекратилась замечательная жизнь художника-большевика, мужественного гражданина родины социализма. Перестало биться боевое сердце. В этом прикованном к постели человека с необычайной яркостью воплотились самые сильные, благородные черты большевика. Талант художника был в нем неразрывно связан с коммунистическим мировоззрением и революционной страстью бояли. Его произведение «Как закалялась сталь» стало самой любимой книгой советской молодежи. Эта книга воспитывала в читателях любовь и преданность делу партии Ленина—Сталина, делу прогрессивного, передового человечества.

Последние годы жизни Николая Островского были годами мучительных физических страданий. Но эти же годы были для него годами величайшей творческой деятельности. Он чувствовал огромную любовь, которой его окружала партия, комсомол, весь советский народ. Он гордился, что может нанести удар врагу и спланивать ряды друзей. Перед самой смертью он закончил первую книгу нового романа «Рожденные бурей». Советская литература потеряла в нем большого талантливого художника, творчество которого имеет принципиальное значение для всей советской литературы. Оно служило самым передовым идеалам трудящегося человечества, оно вставало против капитализма, против фашизма, оно отстаивало дело социализма. Прощай, наш дорогой друг, прощай, наш любимый товарищ ПРАВИТЕЛИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР.

Областной Комитет ВКП(б), Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров Башкирской АССР выражают свое глубокое соболезнование по поводу безвременной смерти пламенного большевика, талантливого писателя и преданного борца за дело Ленина — Сталина, орденосца товарища Островского Николая Алексеевича. На

Областной Комитет ВКП(б), Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров Башкирской АССР выражают свое глубокое соболезнование по поводу безвременной смерти пламенного большевика, талантливого писателя и преданного борца за дело Ленина — Сталина, орденосца товарища Островского Николая Алексеевича. На

С. Марвич

Сын народа-оптимиста

Утром войны московского радио разнесли по стране звуки траурной музыки. В день, когда остановилось сердце Николая Островского, нельзя еще о полной ясности повести итоги его жизни. Путь Николая Островского беспримерен. Прикованный к постели, медленно умирающий человек, постепенно лишившись движения, мускулов, глаз, стал художником, известным всей стране, художником социалистического оптимизма. Художник, которого час за часом убивала непреодолимая болезнь, подучая тысячи писем от здоровых, счастливых людей. Неподвижный инвалид писал и мог писать только о радости борьбы, о радости жизни. И за трупом непоправимо больного человека горел орден Ленина — высшая награда страны, знак благодарности, ее оценка мужества дней и светлых трудов Николая Островского.

Николай Островский был верным сыном своего народа. Он не переставал им быть ни в одну минуту своих тяжелых страданий. Светлым сознанием оптимиста, неутомимой волей, которая увеличивала его последние силы, он боролся за свою жизнь. Как будто неподвижный инвалид становится часовой и собственной постелью, чтобы отогнать смерть, чтобы еще год, еще день, еще час послужить своей родине, чтобы говорить с ней как можно дольше.

Другой подобной судьбы художника мы не знаем. Работа художника неотделима от его опыта, от его жизни, от его личности. Сколько на Западе и некогда у нас писали о больших и малых страданиях. Страдания стало любимой темой буржуазного художника. Страдания, уязвавшие стали для него самоцелью. Светлым сознанием оптимиста, неутомимой волей, которая увеличивала его последние силы, он боролся за свою жизнь. Как будто неподвижный инвалид становится часовой и собственной постелью, чтобы отогнать смерть, чтобы еще год, еще день, еще час послужить своей родине, чтобы говорить с ней как можно дольше.

Кто-то из критиков, не разобравшись, должно быть, в книге Островского, задался вопросом — а что, если бы таким материалом овладел более опытный писатель? Праздник, социалистический вопрос! Основу настоящего искусства составляет истинное правдивое изображение действительности, теснейшая взаимосвязь художника с нею. А всего этого у Николая Островского было куда больше, чем у некоторых маститых писателей. Он, когда видел из глаз, видел великую действительность, как море свет, он ощущал ее огромным своим сердцем.

Двадцать лет тому назад наш великий ученый И. П. Павлов на одном из научных собраний говорил о рефлексе раба:

«Как часто и многообразно рефлекс раба проявляется на русской почве. Приведу один литературный пример: в маленьком рассказе Курпина «Реквием» описывается самоубийство студента, которого заела совесть за предательство товарищей в охранке. На пылом самоубийцы ясно, что студент сделался жертвой рефлекса раба, унаследованного от матери-прижвычки».

Тем неосознаннее и острее та боль, которую приносит знание о смерти Николая Островского.

Куда жестокая неслыханная боль вырвала Николая Островского из строя бойцов за коммунизм и приковала его к постели, он нашел в себе мужество и волю, чтобы снова встать в строй, пусть боком другого рода оружия, но попрежнему боимся своим жизнью великому делу коммунизма.

Документом этого возвращения в строй был роман Николая Островского «Как закалялась сталь», в по-настоящему короткий срок ставший известным каждому грамотному гражданину нашей страны.

Телеграф принес трагическую весть. Умер молодой писатель-большевик, орденосец Николай Островский. Не стало автора чудесной книги «Как закалялась сталь» и оставшегося незаключенным романа «Рожденные бурей». Мы, советские писатели Азербайджана, вместе со всей советской страной скорбим о смерти замечательного человека и писателя Николая Алексеевича Островского. Медицина оказалась бессильной восстановить

здоровье Островского, и смерть унесла его, во образ его будет жить и долгие годы служить примером того, как надо жить, работать и бороться.

САМЕД ВЪРГУН, СУЛЕЙМАН РУСТАМ, ШАХАЗИ, ОРДУБАДИ, АЛЕКБЕРЛИ, КАМСКИЙ, МКРТИЧАН, ЭФЕНДИЕВ, ШИРВАН, СЕИД ГУСЕИН, КАНТЕМИР, РЗАНУЛИЕВ, НАЗАРЛИ.

В нем бился пульс сталинской эпохи

Герои Советского Союза В. Чкалов и А. Беляков

В один из теплых сентябрьских вечеров в Сочи мы посетили Николая Алексеевича Островского в его доме, построенном для него партией. Пришли к нему и члены украинского правительства. Николай Алексеевич чувствовал себя настолько хорошо, что крепко пожал нам руку и провел в нашем окружении весь вечер. Он произвел впечатление человека, в коем горела молодая сила, поразившая всех, видевших его. Сравненный жестокой болезнью, слепой, он являл пример человека железной воли, необычайного мужества, большой энергии и высокой морали.

В этот фильм, прекрасно запечатлели жизнь и творческую работу Николая Алексеевича, является прекрасным памятником его эпохи.

Расставаясь с Островским, мы уходили с чувством гордости за нашу страну, за нашу партию, воспитывающую таких мужественных людей.

Островский был человеком большой энергии, он пылал неутомимым огнем. Вечную память оставил в наших сердцах горячо любимый талантливый писатель-большевик Николай Островский.

Его величественный облик будет вспоминаться нас в борьбе с врагами народа, в наших подвигах в воздушных пространствах, во славу нашей счастливой любимой родины, во славу нашей партии.

Спи спокойно, дорогой друг! Твои книги, в которые ты вложил самые лучшие мысли и чувства, весь твой большевистский опыт, будут в течение многих и многих лет вдохновлять миллионы и вести их в бой за то дело, которому ты посвящал всю свою жизнь.

Его величественный облик будет вспоминаться нас в борьбе с врагами народа, в наших подвигах в воздушных пространствах, во славу нашей счастливой любимой родины, во славу нашей партии.

Спи спокойно, дорогой друг! Твои книги, в которые ты вложил самые лучшие мысли и чувства, весь твой большевистский опыт, будут в течение многих и многих лет вдохновлять миллионы и вести их в бой за то дело, которому ты посвящал всю свою жизнь.

Спи спокойно, дорогой друг! Твои книги, в которые ты вложил самые лучшие мысли и чувства, весь твой большевистский опыт, будут в течение многих и многих лет вдохновлять миллионы и вести их в бой за то дело, которому ты посвящал всю свою жизнь.

Редакция и сотрудники журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая Гвардия»: А.Л. ТОЛСТОЙ, М.Х. ШОЛХОВ, А.А. КАРАВАЕВА, Е.М. ЯРОСЛАВСКИЙ, Е. ФАЙНБЕРГ, Г. БОРН, Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ, В. ЛУГОВСКОЙ, С. САЛТАНОВ, П. ВИРЮЛИН, А. БЕЗЫМЕНСКИЙ, Н. ОГНЕВ, В. ГЕРАСИМОВ, МАРК КОЛОСОВ, М.Х. ГОЛОДНЫЙ, Ш. СОСЛАНИ, Г. БУТКОВСКИЙ, С. ТРЕГУБ, Г. ЛЕОНОВ, С. БРОВМАН, Е. ДОЛМАТОВСКИЙ, М. АЛИФЕР, П. ПАНЧЕНКО, В. СИДОРОВ, С. СТЕПИНА, В. ЮРОВАНАЯ.

НИКОЛАЙ ОСТРОВСКИЙ

Героический образ писателя-большевика

Советская литература понесла тяжёлую потерю. Умер писатель-большевик, орденосец Николай Алексеевич Островский.

Еще совсем недавно в кругу своих друзей писатель-коммунист Николай Островский читал отрывки из нового романа «Рожденные бурей», внимательно прислушиваясь к дружеской критике, требовая, чтобы вся критика была суровой, беспощадной, жестокой.

Тем неосознаннее и острее та боль, которую приносит знание о смерти Николая Островского.

Куда жестокая неслыханная боль вырвала Николая Островского из строя бойцов за коммунизм и приковала его к постели, он нашел в себе мужество и волю, чтобы снова встать в строй, пусть боком другого рода оружия, но попрежнему боимся своим жизнью великому делу коммунизма.

Документом этого возвращения в строй был роман Николая Островского «Как закалялась сталь», в по-настоящему короткий срок ставший известным каждому грамотному гражданину нашей страны.

Документом этого возвращения в строй был роман Николая Островского «Как закалялась сталь», в по-настоящему короткий срок ставший известным каждому грамотному гражданину нашей страны.

Документом этого возвращения в строй был роман Николая Островского «Как закалялась сталь», в по-настоящему короткий срок ставший известным каждому грамотному гражданину нашей страны.

Документом этого возвращения в строй был роман Николая Островского «Как закалялась сталь», в по-настоящему короткий срок ставший известным каждому грамотному гражданину нашей страны.

Документом этого возвращения в строй был роман Николая Островского «Как закалялась сталь», в по-настоящему короткий срок ставший известным каждому грамотному гражданину нашей страны.

Документом этого возвращения в строй был роман Николая Островского «Как закалялась сталь», в по-настоящему короткий срок ставший известным каждому грамотному гражданину нашей страны.

Документом этого возвращения в строй был роман Николая Островского «Как закалялась сталь», в по-настоящему короткий срок ставший известным каждому грамотному гражданину нашей страны.

Документом этого возвращения в строй был роман Николая Островского «Как закалялась сталь», в по-настоящему короткий срок ставший известным каждому грамотному гражданину нашей страны.

Документом этого возвращения в строй был роман Николая Островского «Как закалялась сталь», в по-настоящему короткий срок ставший известным каждому грамотному гражданину нашей страны.

Документом этого возвращения в строй был роман Николая Островского «Как закалялась сталь», в по-настоящему короткий срок ставший известным каждому грамотному гражданину нашей страны.

Документом этого возвращения в строй был роман Николая Островского «Как закалялась сталь», в по-настоящему короткий срок ставший известным каждому грамотному гражданину нашей страны.

Документом этого возвращения в строй был роман Николая Островского «Как закалялась сталь», в по-настоящему короткий срок ставший известным каждому грамотному гражданину нашей страны.

Документом этого возвращения в строй был роман Николая Островского «Как закалялась сталь», в по-настоящему короткий срок ставший известным каждому грамотному гражданину нашей страны.

Документом этого возвращения в строй был роман Николая Островского «Как закалялась сталь», в по-настоящему короткий срок ставший известным каждому грамотному гражданину нашей страны.

Документом этого возвращения в строй был роман Николая Островского «Как закалялась сталь», в по-настоящему короткий срок ставший известным каждому грамотному гражданину нашей страны.

Документом этого возвращения в строй был роман Николая Островского «Как закалялась сталь», в по-настоящему короткий срок ставший известным каждому грамотному гражданину нашей страны.

Этот роман от первой до последней страницы проникнут огромной верой в торжество идей коммунизма и горячей любовью к людям за освобождение человечества от капиталистического раба.

До последнего дня своей жизни Николай Островский продолжал работать. Он писал бы еще не мало книг, столько же страстных и проникновенных той же пламенной и неутомимой преданностью великому делу партии.

Смерть превратила работу Николая Островского. Пропасть с нашим товарищем, мы навсегда сохраним в своей памяти его мужественный и благородный образ — образ большевика и подлинного революционного героя.

Героический образ Николая Островского будет вдохновлять советскую литературу в ее борьбе за создание произведений, отражающих все величие сталинской эпохи, одним из величайших сынов которой был Николай Островский.

ПРАВЛЕНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

ПРАВЛЕНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

ПРАВЛЕНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

ПРАВЛЕНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

ПРАВЛЕНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

ПРАВЛЕНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

ПРАВЛЕНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

ПРАВЛЕНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

ПРАВЛЕНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

ПРАВЛЕНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

ПРАВЛЕНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

ПРАВЛЕНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

ПРАВЛЕНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

ПРАВЛЕНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

Николай Островский Рожденные бурей

Глава четвертая

— Тато, смотри, солнышко в гости пришло! — Мойше ловит ручонками зловеще близка на грядном полу. — Тато! Я тебе принесу немного солнышка... Оно удивляется, не хочешь...

Мойше журит племянки. Отпирный дуч заглянул ему в лицо. Он знает, солнце сейчас улетит спать, тогда будет совсем темно. Сейчас дедушка и тато быстро-быстро встанут молотками. Они всегда так делают, когда солнышко всходит, потому что у них нет керосина. А им нужно делать сапога. Завтра придет сердитый дядя с большим ножом на поспе и будет кричать на дедушку. Мойше не знает, о чем дядя говорит с дедушкой, а дедушка знает и тоже говорит ему что-то непонятное. Дедушка все знает. О чем бы Мойше его ни спросил, всегда ответит... Вот бабушка уже зажигает свечки под треногой. Скоро будет кутья! Мойше вспоминает, что он уже давно голоден. Давно уже не ел ничего вкусного. Все фасоль без масла. Какао — бабушке надоест варить ее? Может быть, тата Сарра принесет ему яблочки или конфеты? Мойше лобот конфетку и тата Сарру. Тата Сарра ласковая, хорошая. Она всегда играет с Мойше, когда не шьет. Он видел этот дом, где много тетей что-то шьют... Глаза у тети Сарры большие-большие. Черные, как вакса. И в них Мойше видит самого себя... У Мойше тоже есть свой уголок — под столом. Здесь все его богатство — скамейка, досочки кожи, маленький молоточек, потрох тата, дерьяные гвоздики. Мойше тоже шьет сапоги, только ирландские.

Под столом у Мойше хорошо. Здесь он никому не мешает, и мама не кричит на него, что он путается под ногами тата и дедушки, работает в другом углу, под окном в потолок. Оттуда солнышко приходит в гости очень редко, но приходит на немощку. Мойше не успеет поглядеть с ним, как его уже лет.

Еще в углу петь, там мама и бабушка. Еще в углу кроватка. Бабушка спит на печке. Тата Сарра спит на скамеечке. Дедушка — на яшике с кожей. Тата и мама — на кровати, а Мойше — со всеми по очереди. В доме четыре угла, а ему четыре рога. Тата вчера говорил дедушке... Мойше не успевает вспомнить, что сказал тата. Дверь скрипнула. А-а-а! Тата Сарра! Мойше даже подпрыгнул от радости.

Он уже сватал руками колени тети Сарры. Сейчас он узнает, принесла ли она ему гостинца... Мойше знает, где лучше всего сидеть вечером: на коленях тети Сарры! У нее длинные, тяжелые косы. Кончики их пуши-

стые, и так приятно шекотать ими носик.

Быстро стучит молоток... Вечер скоро закроет окошко черной шапкой. Только огонь под треногой будет освещать комнату...

— Мам, режет хлеб. Тата и дедушка моют руки.

— Что ты молчишь, Сарронка? — спросил тата.

— Меня Шныльман выпнул из матерской... — За что? — крикнули все почти одновременно. Только Мойше молчит.

— За то, что я назвала его кровососом.

Мойше не знает, что такое «кровосос», но это, должно быть, страшно.

— Что же ты думала, что он тебе за это жалованье повесит? — голос у мамы злой, она не любит тату Сарру.

— По-второму, Фира, я должна была молчать? Он каждый месяц уменьшал мой заработок, заставлял работать по четырнадцать часов в день. Сам бател, а у нас гроши отбирал.

— Как же теперь быть? Мы думали твоим жалованьем в будущем месяце за квартиру уплатить Абрамахеу, — испуганно сказал дедушка.

— Какое ей до этого дело? Она живет своей головой. У нее свой попор... Чуть-чуть не ведающаяся парня. Она позволяет себе грубить хозяйку, а завтра ей есть нечего будет. Или ты надеешься, что тата брат с отцом прозорлив? — кричит мама.

Мойше с испугом смотрит на нее. Она худая, нос у нее острый. Мама всегда болела и всегда сердится.

— Не надо сердиться, Фира. Если в доме несчастье, то от ссоры оно не уменьшится.

Это говорит дедушка. Он любит тату Сарру и Мойше. Дедушка — старенький, борода у него длинная, белая. Брови сердитые, а глаза добрые. Дедушка всегда сидит отгороженный оттого сына у него кривая шея. Кто-то стучит в дверь. Вот она открывается, и Мойше видит важного дядя Абрамахеу. Все глаза смотрят на него и молчат.

Наконец дедушка заговорил: — Добрый вечер, господин Абрамахеу! Садитесь, пожалуйста! Фира, загни свечки.

Мойше хочется спросить дедушку: разве сегодня суббота. Но он боится важного дяди.

— Я зашел спросить вас, Михельсон, думаете ли вы уплатите за квартиру, или я должен принять другие меры? — сказал важный дядя.

— Вы уж подождите невозможно, господин Абрамахеу. Уплатить обязательно! Только денег сейчас нет. Ни марки! Сами знаете, тяжело сейчас жить белому человеку. Что зарабо-

таешь, то проешь. Вот думали, Сарра получала жалованье, но ее распорядили Шныльман уволил, — тихо отвечает дедушка.

Дядя посмотрел на тату Сарру. Он похож на яшнрого коца, что сидит на заборе и высматривает воробья. Хитрый коц! Кажется, что он видит, а он все видит! И только воробей сидит на заборе, он его — шал лапой. И усы у дяди, как у коца.

— Меня все это мало интересует. Я спрашиваю: когда вы уплатите за квартиру? Он надевает шапку. Скорей бы он ушел!

— Если завтра вы не уплатите за все четыре месяца, шестьдесят марок, то послезавтра вы уже будете квартировать на улице.

— Как на улице? Вель там же зима! Побойтесь бога, господин Абрамахеу. Вель же у вас сердце! Вель вы тоже еврей! — закричала бабушка.

— Я прежде всего — хозяин дома. Для бога и нищих евреев я жертвую ежемесячно немного больше, чем вы мне должны. Но если вы думаете, что еврей еврей не должен платить за квартиру, то вы очень ошибаетесь, — говорит дядя.

— Какая там квартира? Это же гроб! — закричал тата так, что Мойше вдрогнул.

— Ха! Гроб? А вы за 15 марок во дворе жить хотите? Ну, я все скачал. Завтра, чтобы деньги были! Кроме того, вообще подыщите себе другое помещение. Я не намерен держать в своем доме неблагополучных трубочников! — И дядя повернулся к двери.

Мама бросилась за ним. Не сердитесь же мужа за его слова. Мы люди образованные, можем, и не умеем сказать как надо. Вы уж простите, господин Абрамахеу! Конечно мы уплатим! А может, часть денег мы отработаем вам чем-нибудь? Вы, например, нащипаете же прянку? Так я могу вам сплать белье... Может, что-нибудь надошить госпоже Абрамахеу и дочкам, то Сарра может это сделать, — жалобно упрашивала важный дядя мама.

Дядя еще раз посмотрел на тату Сарру и ответил: — Так и быть, я подожду несколько дней... Пусть она, — он указал пальцем на тату Сарру, — завтра придет ко мне в контору. Может быть, для нее найдется работа... но деньги вы все-таки отовейте.

И важный дядя ушел. Мойше очень хочется высунуть ему вель язык, но если мама увидит, она опять одерет его за уши, как утром, когда он привлазил и шкосту кошки коробку с мыльниками.

Весь этот коммюне вопросов и проблем, которые были центральными и основными для многих и многих книг, в центре которых была судьба больных, обреченных, выбитых из жизненной колеи людей, чужд Павлу Корчагину. Эти проблемы сняты другой основной проблемой: вся воля человеческая должна быть направлена на то, чтобы ни одна душа не осталась не выслушенной во враге. Весь смысл жизни в том, чтобы ни один атом собственной энергии не остался неиспользованным для создания нового мира.

Воль и радость за мир стали естественным содержанием жизни. Отсюда мера личной горю и личной радости стала степень способности участвовать в борьбе за новый мир.

Большой из «Палаты № 6» Чехова скорбит, что все его страдания закончатся не апофеозом, как в театре, а тем, что придет пьяный сторож и бросит его мертвое тело в грязную яму.

Павел Корчагин знает, что его страдания закончатся прекраснейшим апофеозом. Они приведут к торжеству мира социализма.

Мало книг в мировой литературе, где «поэзия и правда» были бы столь неразрывны между собой, как книга Островского «Как закалялась сталь».

Судьба Павла Корчагина — судьба Николая Островского. Его книга — не сказка, а быль, не легенда, а жизнеописание. Но история Павла Корчагина не только жизнеописание Николая Островского, человека такой духовной высоты, такой сильной воли и такой изумительной героики, каких в досоциалистическом человечестве надо искать лишь в тех списках истории человеческого духа, где значатся имена Сократа, Галилея. История Павла Корчагина — история поколения, «рожденного бурей».

Неразрывность «поэзии и правды» в книге «Как закалялась сталь» не только в ее автобиографическом характере. Поэзия этой книги насыщена правдой действительности того поколения стальной воли и социалистической направленности, которая сформировала Николая Островского. Недаром Николай Островский своим мыслям о самоубийстве противопоставляет воспоминание о том,

«как под Новотград-Вольнским семнадцатый раз в день в атаку ходили и выжили-таки наперекор всему».

Огромный успех книги Островского у советского читателя не в необычности ее содержания, а в ее социальной типичности. В жизни и в борьбе Павла Корчагина Островский раскрыл типические черты поколения «рожденного бурей», людей новой социалистической формации.

Великие книги эпохи всегда воплощают в себе ее типические черты, ее основные устремления.

Неоднократно писали, что молодые люди второй половины XVIII века во Франции и конца XVIII и начала XIX века в Германии жили по «Сан-Пэру» Руссо и по «Вертеру» Гете.

Павел Корчагин так же типизирует лучшие черты людей октябрьского поколения, то новое, что несет с собой социалистический человек, как образ Сан-Пэра и Элоана, как образ Вертера суммировали то лучшее и новое, что было присуще, и еще больше, в чем мечтала и к чему стремились французская и немецкая молодежь эпохи создания этих произведений Руссо и Гете. Но глубоко отличен характер их обобщения.

Вертер суммировал песимизм и безсмысленность молодой немецкой буржуазной интеллигенции, ее бесцельный протест и скорбь. Он стал последним символом безволия и покорности, порожденной скорбью и песимизмом.

Сан-Пэра и Элоана были выражением руссоистского догматизма, которому никогда не суждено было стать сущим. Они были прообразами идеального человека, который никогда не стал человеком действительности.

Павел Корчагин воплощает в себе черты и тенденции молодого человека нашей социалистической действительности. И основная особенность этого живого человека — это неотделимость «я» от «не-я», эта наполненность вопросов личной судьбы вопросами судьбы родины социализма, судьбы человеческого человечества. Воля людей, порожденных бурей социалистической революцией, направлена на уничтожение социального зла, на победу человека над стихией, трагической жертвой которой стал бесцельный создатель Николай Островский.

ДАЕМ СЛОВО РАБОТАТЬ БОЛЬШЕ И ЛУЧШЕ

Мы никогда не забудем Николая Островского. Образ его запечатлен в наших сердцах. Читая его книги, молодежь нашей великой родины будет воспитывать в себе мужество, героизм, беспредельную преданность партии и классу.

Написав Павла Корчагина, Островский создал тип комсомольца, молодой человек нашей эпохи, которому хочется поздравить, который является примером для молодежи многих поколений.

В этом громадном заслуга Островского. Но Павел Корчагин — это автор, роман автобиографичен. Многомиллионный наш читатель горячо полюбил героя книги, знал, что он не выдуман, что он жив и последние оставшиеся силы отдает на благо трудящихся.

Сегодня мы прощаемся с Николаем Островским и даем ему слово больше и лучше и даем, чтобы в книге наших наших эпох художественно выраженные великая сталинская эпоха, славным сыном которой он был.

Прощай, дорогой друг!

В. КИРШОН.

ЕГО ОБРАЗ БУДЕТ СЛУЖИТЬ ПРИМЕРОМ

здоровье Островского, и смерть унесла его, во образ его будет жить и долгие годы служить примером того, как надо жить, работать и бороться.

САМЕД ВЪРГУН, СУЛЕЙМАН РУСТАМ, ШАХАЗИ, ОРДУБАДИ, АЛЕКБЕРЛИ, КАМСКИЙ, МКРТИЧАН, ЭФЕНДИЕВ, ШИРВАН, СЕИД ГУСЕИН, КАНТЕМИР, РЗАНУЛИЕВ, НАЗАРЛИ.

САМЕД ВЪРГУН, СУЛЕЙМАН РУСТАМ, ШАХАЗИ, ОРДУБАДИ, АЛЕКБЕРЛИ, КАМСКИЙ, МКРТИЧАН, ЭФЕНДИЕВ, ШИРВАН, СЕИД ГУСЕИН, КАНТЕМИР, РЗАНУЛИЕВ, НАЗАРЛИ.

САМЕД ВЪРГУН, СУЛЕЙМАН РУСТАМ, ШАХАЗИ, ОРДУБАДИ, АЛЕКБЕРЛИ, КАМСКИЙ, МКРТИЧАН, ЭФЕНДИЕВ, ШИРВАН, СЕИД ГУСЕИН, КАНТЕМИР, РЗАНУЛИЕВ, НАЗАРЛИ.

САМЕД ВЪРГУН, СУЛЕЙМАН РУСТАМ, ШАХАЗИ, ОРДУБАДИ, АЛЕКБЕРЛИ, КАМСКИЙ, МКРТИЧАН, ЭФЕНДИЕВ, ШИРВАН, СЕИД ГУСЕИН, КАНТЕМИР, РЗАНУЛИЕВ, НАЗАРЛИ.

САМЕД ВЪРГУН, СУЛЕЙМАН РУСТАМ, ШАХАЗИ, ОРДУБАДИ, АЛЕКБЕРЛИ, КАМСКИЙ, МКРТИЧАН, ЭФЕНДИЕВ, ШИРВАН, СЕИД ГУСЕИН, КАНТЕМИР, РЗАНУЛИЕВ, НАЗАРЛИ.

САМЕД ВЪРГУН, СУЛЕЙМАН РУСТАМ, ШАХАЗИ, ОРДУБАДИ, АЛЕКБЕРЛИ, КАМСКИЙ, МКРТИЧАН, ЭФЕНДИЕВ, ШИРВАН, СЕИД ГУСЕИН, КАНТЕМИР, РЗАНУЛИЕВ, НАЗАРЛИ.

САМЕД ВЪРГУН, СУЛЕЙМАН РУСТАМ, ШАХАЗИ, ОРДУБАДИ, АЛЕКБЕРЛИ, КАМСКИЙ, МКРТИЧАН, ЭФЕНДИЕВ, ШИРВАН, СЕИД ГУСЕИН, КАНТЕМИР, РЗАНУЛИЕВ, НАЗАРЛИ.

САМЕД ВЪРГУН, СУЛЕЙМАН РУСТАМ, ШАХАЗИ, ОРДУБАДИ, АЛЕКБЕРЛИ, КАМСКИЙ, МКРТИЧАН, ЭФЕНДИЕВ, ШИРВАН, СЕИД ГУСЕИН, КАНТЕМИР, РЗАНУЛИЕВ, НАЗАРЛИ.

Преодоленная трагедия

И. Нуснов

Медленно вытиснул револьвер. — Кто бы мог подумать, что ты дождешься до такого дня?

Дуло презрительно глянуло ему в глаза. Павел положил револьвер на колени и злобно выругался.

Весь это — бумагуный геройизм. Братиска, Шленгуль себя каждый дурак сумеет всегда, во всякое время. Это самый трусливый и легкий выход из положения. Трудно жить — шлепался! А ты попробовал эту жизнь победить? Ты все сделал, чтобы вырваться из железного кольца? А ты забыл, как под Новотград-Вольнским семнадцатый раз в день в атаку ходили и выжили-таки наперекор всему? Спрячь револьвер в янкомы никогда об этом не рассказывай! Умей жить

Н. Изгов

РЫЦАРЬ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

К 15-летию со дня смерти В. Г. Короленко

Короленко вошел в литературу в глухую пору безвременья. Уже были Достоевский, Тургенев, умирали Салтыков-Щадрин, могом Гаршина овладало безумие. В стороне величавой горой высился могучий талант Льва Толстого. Художественный гений Толстого волновал страну, но проповодей его не могла найти отдалка. Фельетонист Мелкит собрал силы, чтобы в сумраке России прозвучать скорбной вранней Чехова. Еще не было Горького, буревестника революции еще не гасили буря Литературного мещанства. На смену Глебу Успенскому и сепаратистскому народничеству Златовратского выдвинулся Белинский Чериков и Муйжель, организованные писатели с маленькими деньгами, вроде Голотенко. Никто не надеялся в жизнь страны великой, ополотворяющей идеи: народничество разлагалось, разносилась по земским собраниям думам либералам, марксистам проламывала в страну лавины зарницы. Ленин еще не вышел в рабочие кварталы Петербурга.

В это глухое безвременье ворвался голос Короленко, послышавшегося из утробы ада, оказавшегося от прищипки паря, думавшего о сепаратизме и живности. Голос был криком, живительным, живущим, верящим. Он принес тургеневскую остроту и музыку родной речи, он сумно волновал переживающих людей, до того неизвестных литературе. «Сон Макара» пришел, как открытие новой земли. «Еще шумит» ворвался в литературу свежим ветром. После звуков, слезливых, живых идуцирующих речей о «мешине братья» Короленко по-новому заговорил о человеке, о человеческой личности, о достоинстве человека, заговорил о стойком оптимизме, как человек, человек. Во мраке он вывел: «а все-таки... все-таки вперед огня».

Новые люди вставали со страниц Короленко. Это были шарлатаны, традиционные представители народничества, но народ, они обвиняли прогрессивную интеллигенцию как-то менять свои взгляды и убеждения, отдавая заскурающим, тупым, бесформенным: «Музыка, единого и нераздельного, просто музыка — нет: есть Федоры, Иваны, бедняки, боги, ишние и кулаки, добродетельные, похотные, злобные и пьяницы, живущие на полном падеже и деревенские, с налетами в один лепет, холода и работники...». В том-то и дело, что нам народ кажется весь на одно лицо, и по первому мужику мы будем о всех мужиках.

Эти слова отнюдь не означают призыва увидеть классовое расхождение крестьянства, классовую борьбу, как может кто-нибудь вульгарно думать. Приведу цитату. Нет, для Короленко народ дифференцировался лишь настолько, чтобы можно было увидеть в массе людей отдельного человека, его страдания и мечтаниями, с его муками и радостью. Он поднимает голос в защиту радости, права человека на радость жизни. К бессмертному крылатому слову Фюрле «человек рожден для счастья», он добавляет свой чудесный образ «как птица для полета». Это утверждение прав человека становится символом его жизни, содержанием его жизни.

Короленко оказывается во главе той интеллигенции, которая отстаивала для себя «право перерождения и мечтала выйти из своего межклассового, двучленного социального бытия в единый исторический процесс. Он становится художественным выражением и публицистическим борцом идей так называемых «прогрессивной интеллигенции», истерично-духу характеристику которой дал Герцен:

«там, где открывалась возможность бороться, проповедывать, там мы бы-

В. Г. Короленко

ли со всем сердцем и помышлением, беспотупно, безоглядно, не зная ни времени, ни труда, ни количества людей. Что мы, собственно, проповедывали? Мы проповедывали французскую революцию, потом проповедывали сепаратизм и ту же революцию; мы проповедывали конституцию и республику, чтение политических книг и сосредоточение сил в одном обществе. Но никуда всего проповедывала нехватка во всяком смысле, во всяком проповеди».

Короленко выступает с книгой о политике, защищает группу восток, обвиняет политик и позиции в ритуальных жертвоприношениях, он оспаривает толстовское непротивленство, обвиняет царей, уличает прогрессивных, чересчур, защищает Беликса. Смело, мужественно, с открытым взором он ведет, как рыцарь права и правды, статьи, очерки, рассказы.

Короленко утверждал: «художник — зеркало, но зеркало живое», и поэтому его рассказы и очерки, его незабываемая «История моего современника» полны живыми мыслями, тончайшей наблюдательности и никогда не выходящей правды. Он сплет правды, которую носил в себе как кровь. Он имел силу глубоко проникать в человеческую психологию, входить в темноту, оставаясь светлым, лучшим человеком. Еще никто в мировой литературе не сумел с такой проникновенной четкостью и глубокой ясностью о ролах, как рассказывал Короленко. («Юнона»). Там, где какой-нибудь Пильняк чкакает и хариает, смывает физиологические подробности, там, где Дюбоис беспомощно топчется в толпой аме «обственных переживаниях», Короленко идет, целомудрен и строг, как скальпель хирурга. Он уважает человека, он любит жизнь. Умирая, Короленко жадно хочет взглянуть в будущее, о счастье человечества, достигнутом без социальных катастроф, без трагических конфликтов.

Короленко это не только русское явление. Разве не близким друг по духу был более выны Ари Барбос до войны, до самой социалистической революции? Разве в пути Короленко не общено с молодостью Ромэн Роллана? Он нес в своем трагедии трагедии интеллигенции. Роллан, Барбос и тысячи других лучших людей современно-

сти глубоко переживали эту трагедию, пытались преодолеть ее, мечтали встать над сваткой и оказались в самой гуще ее. Преодолею свои пацифистские заблуждения, они стали борцами за новое человечество. Короленко не успел в сущности по-настоящему пережить всю остроту столкновения правды социалистической революции с обманчивой правдой своей гуманистической проповеди. Он не дожидая времени, когда политикам и аждатам над миром сломало подлинного, глубочайшего, охватывающего человечество пролетарского гуманизма.

Можно допустить: если бы Короленко был жив, он возможно пережил бы еще много сомнений и колебаний, вытекающих из его пацифистского гуманизма. Но пройдя и пережив труднейшие перемены истории, Короленко — певец человечности — залел бы о новой вдохновенной силой.

Жив он сегодня, его живизнеральное голос прозвучал бы с кремлевской трибуны в песне миллионов, встретившей сталинскую Конституцию.

Потому что Короленко боролся за человека, освобожденного нашим общественным строем. Он проповедывал человечность, право человека на радость и счастье жизни, и эту его мечту осуществил социализм.

Короленко человек с неполюкунной совестью, с чуткой душой, внимательным взглядывавшимся в жизнь, остается живым, он живет в нашей памяти как друг человечества. Словами Сократа в рассказе «Тени» Короленко сказал по существу о самом себе:

«Да, я не волчий, я не создатель нового храма, не мне было судено на старом месте пожить от земли и небу, вездешное владычество веры. Я — мушорщик, запятанный пылью разрушения. Но, Кровид, советую говорить мне, что и работа мушорщика нужна для будущего храма. Когда на разрастшемся месте стройно и величаво воздвигнется чужое здание и в нем воплотится живое общество новой веры, я, скромный мушорщик, приду и лежу и скажу: вот я, без усталости полавший во прахе отчаяния. Обруженному туманом и пылью, мне некогда было поить глазо от земли, в моем уме лишь слова рисовала мечта будущего создания. Отрицались ли ты меня, праведник, истинный и великий?»

Издания В. Г. Короленко

За последние два года — 1935 и 1936 — у нас вышли следующие издания В. Г. Короленко: «Сон Макара» (1936 г. Ц. 4 р. 25 к. Тираж 10.000). «История моего современника» (1936 г. Ц. 10 р. 50 к. Тираж 10.000). «Юнона» (1936 г. Ц. 4 р. 75 к. Тираж 10.000). «Огонь» (1936 г. Ц. 4 р. 75 к. Тираж 10.000). «Письма на терни и сыпуне» (1936 г. Ц. 4 р. 75 к. Тираж 10.000). «Горькая правда» (1936 г. Ц. 4 р. 75 к. Тираж 10.000). «Школьная библиотека классиков» (1936 г. Ц. 4 р. 75 к. Тираж 10.000). «Огонь» (1936 г. Ц. 4 р. 75 к. Тираж 10.000). «Академия» (1936 г. Ц. 4 р. 75 к. Тираж 10.000). «Академия» (1936 г. Ц. 4 р. 75 к. Тираж 10.000). «Академия» (1936 г. Ц. 4 р. 75 к. Тираж 10.000).

О политической лирике

НА ВЕЧЕРЕ В ДОМЕ ПЕЧАТИ

Было бы неправильно отрывать ту овекину поэтике, что писали в В. Маяковского на фронте политической лирики образовался промв.

Удлин в этом направлении являлись явны недостатками. Стихи, рожденные крупными событиями, а также часто не выходили прочным достоянием в арсенале советской политической лирики.

Нормальность, неестественность этого положения начинает всеми ощущаться. Вот почему в последние время поэтическая общественность все чаще возвращается к этой теме. Поэт был широким круг вопросов, связанных с проблемой политической лирики, и на вечер, организованном на-днях Домом печати. В докладе Н. Асеева, очень страстном и полезном по тому, было дано, в общем, верное определение творческого пути Маяковского, правильная оценка тех литературных «чистоплюев», которые презрительно фыряют на «газетную» поэзию, утверждающая в качестве идеала лирику малых размеров.

Но мы не можем пройти мимо одного несправедливого обвинения, к которому Асеев в последние время очень часто прибегает для того, чтобы обвинить причину осуждения наших поэтов: «А в чем была сила Маяковского? Именно в том, что все его стихи, о чем бы они говорили, шли из одного источника, от одного чувства, которое он никогда не дробил применительно к «большим» и «маленьким» залагам. А у нас бывает так, что средние стихи для газет, не всегда попадающие в поле зрения товарищей по перу, и включаются этих стихов в свои сборники даже не помышляя».

Есть у нас группа поэтов, — пока, к сожалению, небольшая, — в творчестве которых лирические и политические мотивы представляют органическое целое и волнуют искренностью и поэтической полнотой своего выражения. Это Сергей Михалков, Гасем Лахут и Драмбул. У этих замечательных художников есть чему поучиться нашим поэтам, их стихи дают достаточный материал для размышлений о возможностях нашей политической лирики, для более углубленной постановки проблемы.

Но, как это ни странно, этот материал выгода еще не привлекался всерьез к нашим дискуссиям о политической лирике.

Вот здесь и следует, на наш взгляд, искать причину создавшегося положения, искать причины повидом об этом на вечере в Доме печати. Мы Пушкины, А. Тарасенко и др. Служимую эпоху, слишком примитивно трактуя многие поэты сумели политическую лирику. Они думают, что от них требуют рифмованных стихов, а морально, рассуждениями и пр., а от них требуют поэтического выражения любой тем, за которую они борются. Им говорят:

«Если у тебя нет личного ощущения темы, предлагаемой тебе работниками редакции по телефону, если она не вызывает в тебе искреннего ответного движения, — не пиши, не подавайся ни на какие уговоры, ни же ты создашь ремесленное произведение. Все будет внешне обдуто благоуханно, строки будут пригнаны одна к другой, рифмы глазо причесаны, но глаз читателя скользнет по строкам, а память, чувствителен их не удержит».

История мировой литературы показывает нам, как часто поэты (Ватрон, Гейне, Гете) умели фыря политик делая фырями подлинной и поныне не тускнеющей поэмы. А в чем была сила Маяковского? Именно в том, что все его стихи, о чем бы они говорили, шли из одного источника, от одного чувства, которое он никогда не дробил применительно к «большим» и «маленьким» залагам. А у нас бывает так, что средние стихи для газет, не всегда попадающие в поле зрения товарищей по перу, и включаются этих стихов в свои сборники даже не помышляя».

Есть у нас группа поэтов, — пока, к сожалению, небольшая, — в творчестве которых лирические и политические мотивы представляют органическое целое и волнуют искренностью и поэтической полнотой своего выражения. Это Сергей Михалков, Гасем Лахут и Драмбул. У этих замечательных художников есть чему поучиться нашим поэтам, их стихи дают достаточный материал для размышлений о возможностях нашей политической лирики, для более углубленной постановки проблемы.

Но, как это ни странно, этот материал выгода еще не привлекался всерьез к нашим дискуссиям о политической лирике.

Вот здесь и следует, на наш взгляд, искать причину создавшегося положения, искать причины повидом об этом на вечере в Доме печати. Мы Пушкины, А. Тарасенко и др. Служимую эпоху, слишком примитивно трактуя многие поэты сумели политическую лирику. Они думают, что от них требуют рифмованных стихов, а морально, рассуждениями и пр., а от них требуют поэтического выражения любой тем, за которую они борются. Им говорят:

«Если у тебя нет личного ощущения темы, предлагаемой тебе работниками редакции по телефону, если она не вызывает в тебе искреннего ответного движения, — не пиши, не подавайся ни на какие уговоры, ни же ты создашь ремесленное произведение. Все будет внешне обдуто благоуханно, строки будут пригнаны одна к другой, рифмы глазо причесаны, но глаз читателя скользнет по строкам, а память, чувствителен их не удержит».

История мировой литературы показывает нам, как часто поэты (Ватрон, Гейне, Гете) умели фыря политик делая фырями подлинной и поныне не тускнеющей поэмы. А в чем была сила Маяковского? Именно в том, что все его стихи, о чем бы они говорили, шли из одного источника, от одного чувства, которое он никогда не дробил применительно к «большим» и «маленьким» залагам. А у нас бывает так, что средние стихи для газет, не всегда попадающие в поле зрения товарищей по перу, и включаются этих стихов в свои сборники даже не помышляя».

Есть у нас группа поэтов, — пока, к сожалению, небольшая, — в творчестве которых лирические и политические мотивы представляют органическое целое и волнуют искренностью и поэтической полнотой своего выражения. Это Сергей Михалков, Гасем Лахут и Драмбул. У этих замечательных художников есть чему поучиться нашим поэтам, их стихи дают достаточный материал для размышлений о возможностях нашей политической лирики, для более углубленной постановки проблемы.

Но, как это ни странно, этот материал выгода еще не привлекался всерьез к нашим дискуссиям о политической лирике.

Вот здесь и следует, на наш взгляд, искать причину создавшегося положения, искать причины повидом об этом на вечере в Доме печати. Мы Пушкины, А. Тарасенко и др. Служимую эпоху, слишком примитивно трактуя многие поэты сумели политическую лирику. Они думают, что от них требуют рифмованных стихов, а морально, рассуждениями и пр., а от них требуют поэтического выражения любой тем, за которую они борются. Им говорят:

«Если у тебя нет личного ощущения темы, предлагаемой тебе работниками редакции по телефону, если она не вызывает в тебе искреннего ответного движения, — не пиши, не подавайся ни на какие уговоры, ни же ты создашь ремесленное произведение. Все будет внешне обдуто благоуханно, строки будут пригнаны одна к другой, рифмы глазо причесаны, но глаз читателя скользнет по строкам, а память, чувствителен их не удержит».

История мировой литературы показывает нам, как часто поэты (Ватрон, Гейне, Гете) умели фыря политик делая фырями подлинной и поныне не тускнеющей поэмы. А в чем была сила Маяковского? Именно в том, что все его стихи, о чем бы они говорили, шли из одного источника, от одного чувства, которое он никогда не дробил применительно к «большим» и «маленьким» залагам. А у нас бывает так, что средние стихи для газет, не всегда попадающие в поле зрения товарищей по перу, и включаются этих стихов в свои сборники даже не помышляя».

Неумный вояка

Г. Лахута

Андре Жид в своей скороспелой книге на все лады оклеветал Советскую страну, советских людей, советскую литературу. Наши писатели он обвинил в бездарности, тупости, трусости.

Человек, обличающий других в подобных пороках, должен повидом, сам обладать храбростью, гражданским мужеством, художественной прозорливостью, иначе его обличения прозвучат смехотворно. Недавно направились параллель между повестью Андре Жид у нас на родине и поведением советских писателей на родине Андре Жид.

Советские писатели ехали во Францию не в качестве гостей. Они ехали бороться против фашистского варварства. В здании, со всех сторон окруженном полицией, где заседал Конгресс защиты культуры, на рабочих и студенческих собраниях, перед лицом многочисленных провокаций левофашистских и троцкистских, советские писатели прямо и мужественно, честно и последовательно защищали свои личные позиции, не забывая о том, всем ли они понравится, не смущаясь тем, что роина далеко, а кругом — мир чуждый, мир капиталистический.

Андре Жид не забыл, конечно, выслушать гг. Тихонова, Минтеева, Воинова, Кирпича и других советских писателей. Дурей злодеем-сменоты, тысячами полными кулаков голодосвали французские трудящиеся за их их. И такого была великая сила этого возмущения, что сам Андре Жид вынужден был пожать кулак вслед за массой и провозгласить: «Мы верим Советской стране, мы любим Советскую страну».

Так принимали пролетария, соотечественники Андре Жид, выступавшие «стучны и бездарны» советских писателей. Так вели себя в капиталистических враждебных государствах «русские» советские писатели. А как вел себя «храбрый» Андре Жид в дружественном и гостеприимном Советском Союзе? Лестно, заискивая, умиляясь, пока был здесь. Клеветает, осуждает, проклинает, возвращается на родину. Так обманывал, отравившись в юсти, рассылается перед хозяином в приторных любезностях, а вернувшись домой, злобно и завистливо оплевывает о тех, чьим гостеприимством он только что пользовался.

Андре Жид помнит, вероятно, свои слова: «В вашей стране я снова чувствую себя вхошей. Я обычно выхожу на фотоаппарат старикам, а здесь у меня на всех снимках молодое лицо. Я пропущу вас запомнить меня таким, каким я выглядел у вас». Но вот Андре Жид вернувшись в Советский Союз, по-стариковски бормочет он теперь на Совет, чудесную молодость мира, на единственную страну, являющуюся богатством в сердца стариков.

Логика фактов неумолима. Если Андре Жид говорит правду теперь, то он был трусом, когда все хвалил издателями было выпущено 75 книг писателя общим тиражом 409.000 экземпляров; из них две книги были изданы на национальных языках (на якутском и остинском) в количестве 7 тысяч экземпляров.

Тиражи книг Советского Союза за 19 лет выпущено 272 книги Короленко тиражом 4.478.760 экземпляров. 67 названий из них (тиражом в 562.610 экземпляров) вышло на языках братских народов СССР.

А. В. ЖИДАНОВ

Этот отрывок приведен нами о больших купюрах, что, конечно, ослабляет его чисто-художественную убедительность. Но даже и в таком виде он показывает совершенно ясно, насколько предостойл Луначарский многих наших «мушор», высокомерно и злобно напавших на него за якобы «наскладскую» трактовку великих предшественников, насколько близок он был к тому направлению исторического анализа, которое указано рядом постановлений ЦК нашей партии.

Отрывок взят из лекции по истории западноевропейской литературы, читанных в Коммунистическом университете им. Свердлова в 1933 году.

После этого в течение ряда лет у нас печатали прямо анекдотические домыслы вульгарно-формалистского порядка, принадлежавшие перу Н. Новикова, болтовню Н. Пусинова, величественно выразившего Сервантеса в мусорный шик истории. Все это предостойло в качестве предисловий к великому роману, называвшему со стороны энциклопедии, называвшему шольваном. Работа Луначарского была забыта, опорочена вульгарными социологами. Эти странники, где даи глубокий, марксистский анализ «Дон-Кихота» ни разу не были переизданы, в то время как вульгарная предостойла широкое поле деятельности.

Думается, пришла пора ликвидировать это положение. Другой пример: работа Луначарского о Пушкине (сводная статья в шеститомном) получила достаточное признание и известность. Но совершенно позабыта небольшая его

Литературное наследство А. В. Луначарского

Е. Усиевич

26 декабря исполняется три года со дня смерти Анатолия Васильевича Луначарского, одного из передовых борцов за социалистическую культуру, одного из лучших представителей этой культуры.

Значение его литературного наследия за это время всевозможные исследования, но, к сожалению, не сделана за эти годы наша критика, наша литературная теория в разработке марксизма, позволяют нам сейчас по-новому понять и оценить работу этого талантливейшего человека, позволить понять многое в этой работе, чего мы раньше не видели.

Смерть Анатолия Васильевича прекратила его живое участие в развитии советской культуры. Книги его иправят сейчас огромную роль в освоении классического наследия, без которого невозможно дальнейшее движение вперед. Из года в год растет количество классиков, в которых о вступительных статьях, в которых о необыкновенной ясности дамы откровенные точки исследования их.

Его посмертные статьи оотвояют огромный вклад в подлинно-марксистское изучение Шекспира, Гейне и современных западноевропейских писателей.

Эти посмертные статьи, в особенности блестящая глава из незавершенной книги о Бюконе — «Векон в окружении героев Шекспира» («Лит. критика» № 12 в 1934 г.) просто поражают своей глубиной и современностью. Они вызывают преклонение перед силой и ясностью ума, давшего это подлинно творческое исследование, совершенно свободное от вульгарно-социологической тупицы, в течение ряда лет засорявшей работу подавляющего большинства наших критиков.

Конечно, и раньше было известно, что, несмотря на ряд принципиальных ошибок в своей работе, Луначарский дал в этой области много совершенно замечательных работ.

Но наши литературоведы долгое время не хотели видеть того, насколько по-настоящему, насколько энергично и решительно преодолел А. В. последние остатки старого своего увлечения «неопозиционистской» эстетикой буржуазного философа Аванаруса. А между тем, пересматривая ваволое литературное наследие Луначарского, мы убеждаемся, что почти во всех его работах, даже ранних и уж во всяком случае в тех, что были написаны им в последние годы, выходящая ошибка представляют собой характерную черту. Игнорируя, что странница, на которых мы видим явные следы влияния социологических школ, всегда вступают в резкое противоречие с основным марксистским, основной тенденцией, видя вред, который они успели принести.

Перед нами стоит задача изучения наследия Луначарского и признания его положительной части. Это неотложная работа, которая поможет нам в освоении классического наследия, в выявлении многих предостойков меньшинствующей социологии, бытующих еще в некоторых кругах нашей критики.

В связи с этим в первую очередь должен быть поставлен вопрос о тщательном изучении его произведений, которые, если не считать предостойков к сочинениям классиков, в сущности почти не изучаются.

Не в чести наших издательств надо сказать, что произведения лучшего советского критика являются сейчас олошь и рядом библиографической редкостью.

Но и то, что печатается (главным образом предостойков) является крайне небрежно, с произвольными, совершенно ненужными купюрами, с редакторскими «поправками», которые делаются на основании собственных взглядов того или иного редактора, марксистом которого, за отсутствием печатных работ, приходится принимать на веру.

Вызвать необъяснимые ошибки в выборе печатаемого материала. К примеру, название «Фауст» Гете дамы, вместо предостойков, две статьи А. Луначарского. Одна из них — это прекрасная речь, произнесенная им на торжественном заседании памяти Гете. Но вторая, «Доктор Фауст», написанная в 1909 г., проникнутая в значительной степени общими философскими взглядами, свойственными Луначарскому в то время. Конечно, ее можно и должно печатать в собраниях сочинений Луначарского. Но мы не сомневаемся, что сам автор не рекомендовал бы ее неподготовленному читателю.

Издание сочинений А. Луначарского совершенно необходимо упорядочить, поручив это ответственное дело достаточно компетентным людям. Надо присутствовать, наконец, и к подготовке собрания его сочинений, без тщательной проверки текстов, с квалифицированными комментариями. Подобности в этом деле давно назрела.

Литературное наследие Луначарского надо тщательно образом изучать, и мы легко убедимся, какая огромная часть этого наследия имеет живой, злободневный характер, как много он уже раньше знал и продумало, до чего мы сейчас доходим, государства в борьбе с изжаниями и вульгаризацией подлинной марксистской критики к искусству. Знакомство с произведениями Луначарского воспитывает вкус к хорошей литературе, учит любить великие произведения благородного духа человечества, и потому, думается, почитать их внимательно и с уважением.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

Е. Усиевич

26 декабря исполняется три года со дня смерти Анатолия Васильевича Луначарского, одного из передовых борцов за социалистическую культуру, одного из лучших представителей этой культуры.

Значение его литературного наследия за это время всевозможные исследования, но, к сожалению, не сделана за эти годы наша критика, наша литературная теория в разработке марксизма, позволяют нам сейчас по-новому понять и оценить работу этого талантливейшего человека, позволить понять многое в этой работе, чего мы раньше не видели.

Смерть Анатолия Васильевича прекратила его живое участие в развитии советской культуры. Книги его иправят сейчас огромную роль в освоении классического наследия, без которого невозможно дальнейшее движение вперед. Из года в год растет количество классиков, в которых о вступительных статьях, в которых о необыкновенной ясности дамы откровенные точки исследования их.

Его посмертные статьи оотвояют огромный вклад в подлинно-марксистское изучение Шекспира, Гейне и современных западноевропейских писателей.

Эти посмертные статьи, в особенности блестящая глава из незавершенной книги о Бюконе — «Векон в окружении героев Шекспира» («Лит. критика» № 12 в 1934 г.) просто поражают своей глубиной и современностью. Они вызывают преклонение перед силой и ясностью ума, давшего это подлинно творческое исследование, совершенно свободное от вульгарно-социологической тупицы, в течение ряда лет засорявшей работу подавляющего большинства наших критиков.

оущность которой почти во всех статьях марксистская, большинство статей острейшая. Исключение в этом отношении представляют лишь статьи 1908—1909 гг., посвященные программной формулировке самостоятельной эстетики, а позднее — максимистской эстетической воззрений.

Средостойков все свое внимание лишь на «проработку» ошибок и «обсуждения» великого ума, наша критика лишалась своей огромной богатства, проходила мимо блестящих мыслей и указаний, с щедростью подлинного таланта рассыпавших им. Совершенно необходимо сейчас серьезная работа о Луначарском, критически рассматривая его равнение, весь его творческий путь, вплоть до полного освобождения от чужеродных влияний, вплоть до его последних работ, таких, как «Ленин и литература» — лучшей работы, какую мы имеем на эту тему.

Совершенно ясно, что в процессе такой работы над наследством Луначарского должна быть пересмотрена также и направленная на него критика. Нельзя забывать о том, что ряд сочинений в свое время очень острожными критиков, «проработанных» ошибок Луначарского, стояли сами как это переплетение вульгарно-социологических позиций, переперезавшего критическое, автарковское и множества других не отключающихся существенно друг от друга отменок. Юридичка Луначарского, они чаще всего выпадали как раз на самые сильные его стороны. Достаточно напомнить дискуссию в Коммунистической академии о Гольдерлине, где перереверзены тша Золотина и французский русинистского толка, пользуются Анатолием Васильевичем, как мисией, нападали на марксизм, отрицательная оценка его в выражении «спихологонии» определенной общественной прослойки.

А между тем их нападки оставляли след в нашей критике, сказывая в глазах широких читательских масс подлинный облик Луначарского. Небольшое количество социалов. Небольшое отброшено ту массу социологической ветоши, которой заслонили эти люди настоящую суть наследия Луначарского, чтобы наша критика и все читательская масса могли опадать тем богатством, какое представляет собой положительная часть наследия Луначарского.

До тех пор, пока эта работа не проделана, мы всегда будем стоять перед искусственно обманчивой лентивностью картины развития советской, коммунистической критики. Без конца говоря об «оживлении

марксизма, внесенных целым родем вульгарных социологов, и почти не упоминая о том, что над вульгарной социологией возмущалось, мы таким образом невольно придаем слишком большое значение, отводим неправомерно значительную роль всевозможным вульгаризаторам. Мы создаем при этом совершенно ложные впечатления, что кроме них до сих пор в советской критике никого не было. А они эти пользуются, выдавая себя за «стучины» в развитии марксистской литературы.

Между тем достаточно будет привести два-три примера из работ Луначарского, чтобы стало ясно, что марксистская критика, марксистская критика и история литературы развивались поэмо и вопреки вульгарно-социологической воеле.

Вспомните, что писал А. В. о «Дон-Кихоте» Сервантеса.

В чем величие этого романа? — спрашивает он: «Обыкновенно говорят так: Сервантес понимал, что рыцарство умерло, иет больше поны для рыцарей последний рыцарь должен быть смехиным... По этому толкованию главное значение Сервантеса в том, что он похорошил феодализм».

Таков рокование великого романа в значительной степени верно... Но в этом ли заключается величие романа? Если так, то почему же Дон-Кихот так симпатичен? Почему он так привлекает к себе людей? Почему в разные эпохи слова и снова возвращаются к образу Дон-Кихота?..

«Дон-Кихот считает, что нужно защищать угнетенных, вносить правду в мир. И вот он на своей тучеиде кляче Росинанте, со своим кардиналом панширом, не имеющим никакой власти, никакой силы, бросается в бой... В этом великая сила идеализма, сила громадной доброты, настоящего человеческого благородства».

«Сервантес, который сам был благородным человеком, был сам Дон-Кихотом и считал, что настоящий человек должен идти себе за блуждающим буржуази в ее протесте и в ее стремлении вырваться на подлинно свободной, неопределенной еще буржуазии преклоняться перед старым идеалом. Он рад был, чтобы мир был таков, каким хочет его видеть Дон-Кихот. И сожаление, он не таков. Сошествием ли Сервантесу тридцатью, ланчиком? Никуда не бывало. Он сразу видит, что реальный мир для него пошлый, пошол не правды, пошол напий... Однако мир силен, а Дон-Кихот слаб. Вот это и делает его комичным».

«В Дон-Кихоте пообразово столкновение высшего идеализма и будничной действительности. Мы видим,

как писатель издевается над идеалистами, которые принимают за действительность свои идеалы, но вместе с тем, какую дань глубокого уважения он отдает этим идеалам».

Критика в журналах

СОВЕЩАНИЕ В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ

Выступая на общем собрании союзских писателей о докладе о Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде писателей, т. В. Ставский отметил в числе недостатков работы правления ССП неорганизованность и неустойчивость критического хозяйства советской литературы.

Это свое замечание т. Ставский подробно разъяснил на состоявшемся накануне под его председательством совещании заведующих критическими отделами литературно-художественных журналов.

Советская критика, по словам т. Ставского, имеет не мало достижений. Однако много из того, что ей нужно было сделать, она не сделала. До сих пор она плохо ориентирует читателей в литературных вопросах.

За последние годы писателям создан ряд интересных и нужных книг, между тем критика слабо привлекается к ним внимание читателей, не ориентирует вокруг них общественное мнение. С непонятным равнодушием проходят критика мимо творчества молодых прозаиков и поэтов, не помогают им совершенствоваться и расти.

В значительной степени все это объясняется неорганизованностью работников критического фронта.

Внимание критиков ничто, как отмечают на тех или иных существующих проблемах, беспорядочно выдвигаются жизнью перед литературой.

Сильно снижает ценность и продуктивность работы критиков их разобщенность, отсутствие творческой среды. Каждый из них работает на своей «рыбке и соевке», лишь в редких случаях советуясь с товарищами.

Советский читатель, — говорит далее т. Ставский, — требует сейчас от нас не только рецензий и статей об отдельных книгах, но и больших критических обзоров, охватывающих все или большую часть произведений, созданных писателями на какую-либо тему.

Будь определена тема, например, о гражданской войне, о советской деревне и т. д. Таких обзоров в печати не видно, а они должны быть. В особенности они нужны сейчас, накануне 20-летия Великой proletарской революции. Мы обязаны показать трудящимся Страны Советов, как отражена в советской литературе, ре- или индустриальный рост колхозной деревни, молодое поколение отрожденной социализма. Конечно, одному человеку написать такой обзор трудно. Поэтому нужно критиков организовать в творческие коллективы. А. М. Горький неоднократно советовал писателям работать коллективно. Как это ни странно, но критики совершенно не используют эти замечательные указания великого писателя. Большая доля вины ложится здесь на редакцию журналов, которые вообще плохо работают со своими авторами.

В обсуждении поставленных т. Ставским вопросов приняли участие тт. Серебрянский, М. Розенталь, Ступинкер, Малахов, Войтинская, Тарасенков, Броман и др.

В своих высказываниях они целиком подтвердили правильность замечаний т. Ставского и поддержали решительную работу редакции ежемесячника. На выступлений было много, что редакция уделяет мало времени и сил воспитанию молодых критических кадров, не объединяют вокруг себя критиков и литературоведов. Интересно отметить, что ни одна редакция за время своего существования не удосужилась организовать среди своих писателей и авторов обсуждение критических статей, помещенных в журналы.

Совещание решило обсудить в ближайшем времени работу редакций «Литературного обозрения», «Молодой гвардии» и «Нового мира» и организовать несколько творческих коллективов критиков для работы над обзорами произведений советской и современной зарубежной литературы.

М. А. САБИР (к 26-летию со дня смерти)

Жалоба жены поэта

САБИР

Разрывается сердце мое, хан-бедняк,
От алого лопатки сохли мои!
Лучше в прислугу отпави б, чем
Выглядеть измором...

Замуж меня за этого шлоа...
Я из овна, из двора не глядела,
Не развлеклась волюй то и дело.
Валора, смеясь, не болтала, к тому ж
Я же не знала, что значит — муж!
Сидя в бедной хате бытши,
Помогала стирать матушке,
В голубе у бабушки вшей искала,
Чинила одежку, бела лагала.
Солнце ласкает ролным грэм —
Уж я на заре доила коров.
На что украшенья, к чему мне
Карики и ленточки-сотни подряд!
Книжки я читала — сотни подряд,
Отец мой — торговек, плутик — дед,
Брат мой жвачом убого много лет,
Тетка гадала, бабушка являла,
Сама я, слава богу, грамоты
Не знала!

Всем, чего хочешь, полно дом —
Шнь катик, обожорск каймаком!
Мы же не знали, что за ад — жнига!
Разве была в нашем доме жнига!
Жили в блаженстве свой жниженный
Срок,
Не понимали «сучитель», «сукор»,
Ну, а проклятое слово «терять» —
Ушами не слышать, в глаза не
видать!
И в этом благооспитанном доме
Ничего я не знала радости кроме!
Будь проклят тот день, когда обру-
чили меня,
Вообразая, что радость настала!
И же не знала, что выхожу за кре-
стьянина!
Что в человеке живет такая синга!
Читать и писать! Это мужем синга-
сти сы разе!
Мать моя! Это ж махровая язва!
Не муж он, а вилите ли, поэт!
Для него, кроме книг, всякий пет!
Ох, и бела повалится на меня!

То пишет, то читает, то говорит,
Завоевством с книгами дорожит,
Трапизит глаза, белками оверкает,
— Это он, видите ли, смекает!

Вороним каркает передо мной,
Глаз не смыкает, как часовая,
Когда ж наконец задремлет он,
Недолго его продолжает сон!

Вдруг видишь, проснувшись, — опять
Сидит разветый и косоплый,
И вместо того, чтобы как следует
Сидеть, опять начинает читать и писать.

Такого огня господь не родил еще!
Что там пожар, — это прямо — чисти-
лище!

На стол навалился — мянчик, по-
жалуйста,
Смотрю — и сжимается сердце от
жалости!..

Каравашиком водит — белая бумага
Постепенно становится черной бума-
гой!

Ни выходы, ни ала не ведет он,
Про отпых забыл и забыл про сон.

А в доме у нас — как помочь беле?
В суматках, на полках, везде, везде,
Куда ни помотришь — бумага, бумага,
В чашках, в боталках, в тарелках —
бумага,
Холмами повсюду выявлены книги!

В комнате, в передней — всюду книги...
Говорю я: «Мужчина! Приди в себя!
Ты пишешь и пишешь, своей дол-
бой,
А денги в книги ушли у тебя!
Читаешь полуделой и угрюмый...
Ты о своей голове подумай!
Добро пропадет, денги плачут,
Липнется алоревья к тому же в
придачу!

Лучше бы прежде, чем ты женился,
Ты бы озабочь землю, мой муж,
пронавалился!

Перевел М. СВЕТЛОВ

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДНИ

Во всех школах Баку, дворцах культу-
ры и клубах проводится литерату-
ро-художественные вечера, посвящен-
ные Сабиру. В них принимают участ-
ствие писатели и поэты, артисты опе-
ры, театральные драмы и эстрады. Во
всех школах организованы выставки
о жизни и творчестве поэта. Лучшие
произведения Сабира читаются в
классе. В школах выпускаются ли-
тературные стенные газеты; в выход-
ные дни проводятся утренники.
Печатается массовым тиражом на

туркском и русском языках биография
поэта.
Союз писателей готовит сборник
стихов, посвященных памяти Саби-
ра. Азербайджанское издательство го-
тует иллюстрированное издание стих-
ов Сабира для детей на туркском
языке.
Для проведения докладов о жизни
и творчестве азербайджанского клас-
сика в районы республики: Кубни-
ский, Гильский, Касум-Намазловский
и др. выехали 25 докладчиков — по-
этов, писателей и критиков.

Конференция памяти Горького

ПО ТЕЛЕФОНУ ИЗ ЛЕНИНГРАДА

Институт литературы Академии наук СССР провел конференцию, посвященную памяти Алексея Максимовича Горького.

В докладах проф. В. Десницкого, проф. Н. Инсанова и проф. С. Балухина был отмечен неизменный облик Алексея Максимовича — гениальность таланта пролетариата, пропагандиста народного творчества и фольклора, историка литературы, — и обсуждены вопросы изучения горьковского наследия.

Горьковская группа Института литературы возобновила сотрудничество с руководством Академии наук о реорганизации группы в Горьковскую комиссию — по примеру Пушкинской комиссии Академии наук СССР.

На конференции выступили и К. Федин, прочитавший несколько писем А. М. Горького, ярко продемонстрировавших огромный интерес Алексея Максимовича ко всему происходящему в нашей стране.

Своими воспоминаниями об А. М. Горьком поделился А. Чапыгин.

Издания Горького на литовском языке

Литовское издательство «Университас» в Каунасе, выпускающее произведения классиков мировой литературы, издало на литовском языке «Мои университеты» Горького в переводе писателя Антанаса Венцлова. Экземпляр издания автор передал приклад через Всесоюзное общество культурной связи с заграницей в редакцию «Литературной газеты».

В книге помещен биографический очерк о Горьком. На обложке — гравюра советского художника Л. Соловевича — портрет М. Горького.

Литовская печать отмечает высокое качество перевода.

На литовский язык перевел много рассказов Горького, помещенных в периодической печати. Кроме того, переведены «Мать» Черевой М. Монтвиллы и «Сказки об Италии» (перевод П. Балчуцаса).

В начале 1937 года издательство «Университас» выпускает «В людях» Горького.

Антанас Венцлова готовит к печати биографию переводов Горького на литовский язык, которая будет напечатана в журнале «Литурата», выходящем в Каунасе под редакцией известного писателя проф. В. Креве-Мишевичуса.

Встречи с Лионом Фейхтвангером

Находящийся в Москве известный антифашистский писатель Лион Фейхтвангер посетил ряд культурных организаций и фабрично-заводских предприятий и имел несколько встреч с советскими писателями и критиками. Первая встреча, как у нас уже сообщалось, состоялась в Гослитиздате на приеме у директора издательства т. Н. Накорякова. 17 декабря состоялось прием Л. Фейхтвангера, организованый советом советских писателей.

21 декабря Фейхтвангер встретился с редакторами литературы и искусства в ВОКС. На приеме присутствовали писатели А. Серафимович, Л. Леон, А. Афиногенов, художники Кочаловский, актеры театра им. Вахтангова Захав, Горюнов, Симонов, Мансурова и Варгина, скульптор Меркуров, американская художница Ева Герман, немецкий антифашистский писатель Л. Маркузе и др.

В концертном отделении на вечеру участвовали скрипка Ойстрах, пианист Флиер и артистка Дулова. В заключение гостям был показан фильм «Петербургская ночь».

О фельетоне «Золото Альтшулера»

Комиссия, образованная по предложению Центрального комитета Союза писателей, рассмотрела и группно обсудила фельетон «Золото Альтшулера» и напечатанном в «Литературной газете» 15 августа с. г. фельетоне Д. Кальм «Золото Альтшулера» и напечатанном в «Челобинском рабочем» 14 августа с. г. Выехали 25 докладчиков — поэтов, писателей и критиков.

1) «Литературная газета» вполне правильно поставила перед собой чрезвычайно важную и необходимую задачу борьбы с недобросовестностью некоторых авторов, не выполняющих взятых на себя обязательств. Однако, выступив с конкретными и очень тяжелыми обвинениями против Альтшулера, редакция «Литературной газеты» сочла возможным всецело довериться писателю зав. Челябинска Борису, не проявившего обязательной в таких случаях проверки сообщаемых сведений.

2) Между тем письмо Борису содержательный ряд заведомо для автора несправедливый, не подтвердившихся при расследовании обвинения, а в статье Борису в «Челобинском рабочем» содержится клеветнический вымысел.

3) По тщательному расследовании все обвинения Альтшулера в «утраченных годах», в «афере», «кульических машинах» и т. п. полностью опровержены. Нет никаких оснований связывать вымышленную литературную работу Альтшулера с преступлением, совершенным им в прошлом и испуганным понесением им наказания.

4) Вместе с тем Альтшулер в своей работе над книгами «Минусотоло» и «Станкоград» проявил самостоятельность и легкомыслие, результатом чего была небрежность и недостаточно выверенное качество работы.

В Совете жен писателей

27 декабря в правлении Союза писателей (ул. Воронского, 52) состоялось общее собрание жен писателей.

Повестка дня: 1. Отчет Т. В. Ивановой о всеобщем совещании жен командиров. 2. Выступление делегатов совещания т. Весник и др.

А. З. ШАРИФ

Новые выставки

В Центральном Доме Красной армии организована выставка работ жеп командиров Московского военного округа. На ней представлено свыше 1000 картин, рисунков, скульптурных произведений, вышивок, рукоделий и т. п. Отдельная комната отведена для работ детей командиров.

В клубе работников Наркомфина открыта выставка карикатур и рисунков для рабочих и политотделов. Выставка организована в результате организованного Президиума Союзфото конкурса. Среди 123 е участников — мастера карикатуры Борис Ефимов, К. П. Ротов, Ю. А. Ганф и совсем еще начинающие художники. Из 457 работ, присланных на конкурс, имеются самые различные по своей теме и жанру карикатуры и рисунки.

Большое количество представленных на выставке карикатур посвящено последним событиям в Испании.

На выставке много рисунков, посвященных Пушкину.

Выставка карикатур и рисунков будет показана в Ленинграде, Киеве, Тбилиси, Баку и Ереване.

В связи с 50-летием художественной деятельности В. Н. Башкирева, Всесоюзный комитет по делам искусств в начале января организует

выставку работ художника. На ней будет представлено около 100 картин.

В середине января в Государственной Третьяковской галерее открывается выставка произведений великого художника-реалиста В. И. Сурикова. На выставке будет представлено около 500 работ (аварьер, масло, рисунки), собранных со всего СССР. Кроме широко известных картин художника «Боярыня Морозова», «Князь стрелец», «Меншиков в пленении» — на выставке будет показано значительное количество нарисованных и ним этюдов и эскизов. Некоторые из них будут выставлены впервые. Русский музей в Ленинграде прислал на выставку картину «Переход Суворова через Альпы», а также этюды и эскизы к ней. Ряд интересных материалов поступил из Ярославля, где родился художник, Киров, Сталинград, Казани, Фрунзе и других периферийных музеев.

15 января в помещении Государственной Третьяковской галлерей намечено открытие выставки работ по костям и перу, организованной Комитетом по делам искусств. На этой выставке будут представлены работы художественных артелей и отдельных мастеров.

СТИФ.

«СВЕРЧОК»

Так будет называться новый сатирический журнал Детиздата для дошколят, который выйдет в январе. Журнал заменит маленьким читателям газету «Ванька-встанька».

«Сверчок» будет выходить один раз в месяц. Его основными читателями должны стать 3-6-летние дети, для которых в журнале будет много цветных иллюстраций, смешных рассказов, стихов, рисунков.

Среди авторов рисунков ребята встретят знакомых им по «Ваньке-встаньке» и отдельным книжкам Детиздата художников Малаховского, Успенского, Радлова, Лебедева, Коншешева, Радлова и др. Сотрудниками журнала — С. Маршак, Л. Квитко, А. Вагто, С. Михалков и др. Редактор «Сверчка» — Н. М. Олейников.

КЛАССИК РУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ

КОНФЕРЕНЦИЯ ОБ А. Н. ОСТРОВСКОМ В ВТО

Творчество великого русского драматурга А. Н. Островского мало об-
яснено нашей критикой и в недоста-
точной степени раскрыто советским
театром, несмотря на то, что некогда
эссе Островского не ставилось в иску-
стве. В итоге оказалось, что Альтман
сумел раскрыть все виды все-
объемного искусства, но не сумел
столь же четко выдвинуть и по-
ложительно адалу доклада, опреде-
лить — как же следует понимать
полную народность в искусстве и
литературе.

Трехмерная перегруженность докла-
да помешала и В. Сахаровскому бле-
же подойти к своей центральной теме
«Раскрытие Островского режиссу-
рой советского театра». Передача в
этой части доклада, Сахаровский вы-
явил не ограничиваясь эмпириче-
ской подачей своего материала, при
чем и подбор материала обращал на
себя внимание своей ситуативностью.

Обобщительные выносы об основных
тенденциях в трактовке Островского
на советской сцене Сахаровский не
сделал — и потому совершенно бес-
доказательной конюшкой доклада
прозвучало неоправданное заявление,
что советский театр плет к всесто-
ронему реалистическому раскрытию
произведений великого драматурга.

А на что это можно заключить,
какие данные свидетельствуют об
этом? Все это осталось тайной до-
кладчика.

Одним из наиболее интересных мо-
ментов в первые дни работы конфе-
ренции явились выступления В. Ро-
манова. Он в отчет явился и картин-
ной форме раскрыл перед аудиторией
все особенности творческого процесса
Островского, наглядно показав, чему
можем учиться у этого классика со-
ветской драматургии.

Но, как на трех, ни одного совет-
ского драматурга мы на конференции
в эти дни не видели.

Т. МАРИНИН

«Пропавшие книги»

СДАЧА НЕПОЛНЫХ ТИРАЖЕЙ БУДЕТ ЛИКВИДИРОВАНА

В ответ на заметку в «Литературной газете» «Пропавшие книги» 7-я типография «Искра революции» сообщает нам следующее:

Типография приглашена инженер-технологом в качестве конструктора заказов. Выделены два квалифицированных товарища, контролирующее качество продукции печатного и брошюрного цехов. В переплетно-брошюрном цехе установлен поперечный контроль. На переплетном участке организованы комплексные бригады, отвечающие за качество, количество и своевременность славского тиража. Учет перестроен таким образом, что на каждом процессе

можно выявить причину возникновения брака или же конкретного виновника его. Недостатки допечатаются и добавляются в текущем месяце.

Все мероприятия типографии должны ликвидировать возможность выпуска неполных тиражей.

Извещение

28 декабря в 19 часов в ДСП, в Красном зале состоится конференция постоянных читателей журнала «Красная новь». Вступительное слово А. Фадеева.

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ.
ИЗДАТЕЛЬ: Журналино-газетное объединение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, По следний пер., д. 26, тел. 69-61 и 4-34-60.
ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Стратин ой бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-51-60.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1937 ГОД
НА КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦИ ВЛКСМ
ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
«Детская литература» помещает отчеты по теории и истории детской литературы, критические обзоры, творческие отчеты детских писателей, рецензии на все текущую художественную, научно-популярную и общественно-политическую литературу Детиздата и детских отделений краевых и областных издательств, обзоры детской литературы национальных республик, аннотированные списки, указатели, справочники, информация о работе учреждений детской книги.
Журнал рассчитан на писателей, научных работников по детской книге, педагогов, библиотекарей, студентов.
Подписка пена: на год—24 руб., на 6 м.—12 руб., на 3 м.—6 руб. Цена отдельного номера—1 руб.
Подписка принимается: всеми отделениями, магазинами, книжками, упомянутыми КОПИЗ'а, Остозупетью, а также непосредственно в Главной Конторе КОПИЗ'а (Москва, Маросейка, 4) и волеу на почте.

Народный поэт Азербайджана

К 25-летию со дня смерти М. А. Сабира

1911 году талантливейший поэт умер, всеми почитаемый, олимпий и наш. Лишь немногие друзья и соратники оплакивали его.

Сатирические стихотворения Сабира публиковались в журнале «Молда Наоредтин» с мая 1906 по март 1911 года.

Высмеивая всех противников нового образования, новой культуры, уже лавиравшей постепенно пробираться в лоно неграмотный мир ислама, Сабир «советовал» своим правозверным соотечественникам остерегаться этой культуры, не прощипывать от стародного сна, ибо в пробуждении не может быть того спящего, которое дается лишь невежеством.

Бав-бавшки бав,
Оши, останься позади,
Бапка бава —
«убавивчал» он мир ислама, но эта комбинированная поэзия звучала как отчаянный набат и воплотилась в блестящих мусульман.

Но наибольшей силой достигала его сатира, когда он обращался к тем, кто оспаривал отношения, эксплуатировал крестьянства и рабочего класса, привнесла и жестокости помещиков, дворян богатеев.

Видя заботность крестьянства, его нищету и беспомощность, Сабир не сдался на либерально-дворянский язык — о необходимости «милкого образования» крестьян или о желательности открытия школ и больниц для «этих несчастных наших братьев», как это делали либерально-буржуазные помещицине-буржуазно-азербайджанцы. Он не выдал к дворянам и капиталистам о братстве, не просил их милости. Он, сын народа, обратился непосред-

ственно к крестьянину, к работнику, угнетенному, безправному, осужденному на позорное жизненное крестьянство Азербайджана и, споря от гнева и негодования, кричал ему в самое ухо:

Выноси ало помещика, работай, как животное,
Старайся, сей, коси, пусть унесет бек, а дом твой останется пустым, как мельница.
Не пробуждайся, прав своих не анай, не поймай, как человек.
Не мучься, не страдай, выноси всякое ало, терпи!
Ты попал в беду, — примирись, несчастный, терпи!

Эти слова промом тремели в годы полсервотолковой черной реакции. Сабир внедрял в сознание трудящихся и угнетенных масс, что освобождение зависит от их собственных усилий.

Иногда Сабир с полным упреком и недоумением вопрошался к богу:

Чем сильнее зло, тем терпеливей Терпачиее всякое насилие народ, да что тебе были, господи? Если из слез угнетенных должны были образоваться моря, Моря и океаны, на что тебе были, господи?

Против духовенства Сабир выступил о такой же беспощадной, уничтожающей критикой, как и против буржуазии и аристократии. Разоблачая жажжство, лицемерие, собачью преданность хозяевам, Сабир в гневных стихах выражал свое ненависть к духовным «пастырям».

В овечьей шкуре ты стал кровавым волком.